

V. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Информация для цитирования:

Лесив Б. В. Современная концепция прав человека: кризис забытой истории // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 1(71). С. 143–172. DOI 10.17072/1995-4190-2026-71-143-172. EDN OEUJS

Lesiv B. V. *Sovremennaya kontseptsiya prav cheloveka: krizis zabytoy istorii* [How a Neglected History Challenges the Contemporary Human Rights Paradigm]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 1(71). Pp. 143–172. DOI 10.17072/1995-4190-2026-71-143-172. EDN OEUJS (In Russ.)

УДК 341.231.14

DOI 10.17072/1995-4190-2026-71-143-172

EDN <https://elibrary.ru/oeujs>

EDN OEUJS

Современная концепция прав человека: кризис забытой истории

Б. В. Лесив

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: forbod@bk.ru

Статья поступила в редакцию 15.08.2025

Введение: релятивистские нарративы в дискуссии о правах человека выходят на кульминационный уровень и приобретают ультимативные формы. Права человека невольно оказались под перекрестным огнем непримиримых идеологических конфронтаций правового постгуманизма и постлиберального солидаризма. Обе школы стремятся переделать права человека, иногда до неузнаваемости. Реальные же цели, сущность и юридическое содержание послевоенных прав человека находятся под угрозой растворения в субъективном политическом априоризме по ту или иную сторону баррикад. В частности, распространяемый тезис об отсутствии устойчивых культурно-конформных критериев интерпретации прав человека сегодня напрямую и бесспорно ставит под сомнение свойство их универсальности. Одна из главных проблем постгуманистов и постлибералов – это игнорирование весьма точных аспектов правовой истории и антропологии с одновременной гиперболизацией субъективных категорий. **Методология:** в статье показано, что права человека могут рассматриваться в первую очередь как исторически и социально обусловленный феномен. Применение антропологического подхода позволило проследить глобальное эволюционное развитие концепции статуса личности и прав человека. Раскрыто определяющее значение Второй мировой войны для универсального понимания прав человека всеми народами, которые признают подвиг Победы. Оценка концептуальной целостности и практического потенциала универсальных прав осуществляется с опорой на синтезированное доктринальное знание и обширную международную и отечественную практику, в том числе малоисследованную. **Результаты:** проведенный анализ проливает свет на ряд распространенных заблуждений об истории принятия и применения Международного билля о правах и о роли, которую сыграли незападные цивилизации в этом процессе. В результате определена одна (не претендующая на исключительность) из возможных основ для универсальной и аутентичной интерпретации правозащитных инструментов – критерий антифашизма. Предложена методологическая концепция исторического и телеологического (проблемно-целеполагающего) толкования прав человека в противоречивых ситуациях. **Выводы:** с точки зрения современной концепции статуса

© Лесив Б. В., 2026

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

личности и предложенной толковательной методологии принципы статуса личности и каталог прав человека, закрепленные в Конституции России, пребывают в гармонии как с международным правом, так и с национальными ценностями. Проблемно-целеполагающее толкование прав могло бы стать сдержанным ответом на современные вызовы и залогом сохранения правозащитного института, который когда-то стал итогом огромных усилий и беспрецедентной межкультурной коммуникации. Феноменологически проблематика, затрагиваемая в статье, позиционирует тезис «Назад, к самим правам человека!».

Ключевые слова: права человека; правовой статус личности; принцип равенства; Международный билль о правах; режим прав человека; государственный суверенитет; антифашизм; абсолютные права; ограничение прав; антропология права; телеологическое толкование

How a Neglected History Challenges the Contemporary Human Rights Paradigm

B. V. Lesiv

Lomonosov Moscow State University
HSE University
E-mail: forbod@bk.ru

Received 15 Aug 2025

Introduction: *relativist narratives in human rights discourse have reached a point where they take on the form of ultimatums. Human rights have become caught in the crossfire between irreconcilable ideologies, such as political posthumanism and post-liberal solidarity, which seek to redefine human rights beyond recognition. Meanwhile, the very nature and legal foundations of post-WWII human rights are at risk of dissolution in precarious political whims. In particular, the increasing claim that there are no stable, multiculturally acceptable criteria for interpreting human rights challenges their universality directly (but controversially). A key problem with both posthumanism and post-liberal approaches is their disregard for specific aspects of legal history and anthropology, combined with an overreliance on biased concepts.*

Methodology: *the article argues that human rights should be understood primarily as a historically and socially conditioned phenomenon. Employing an anthropological approach, the article traces the global evolutionary development of the concept (paradigm) of the status of the individual (individual vis-à-vis society) and human rights. It highlights the decisive role of World War II in shaping a universal understanding of human rights among nations who honor the legacy of the Great Victory. The conceptual integrity and practical potential of universal rights are assessed through synthesized doctrinal knowledge and extensive international and domestic practice, including sources understudied in Russian scholarship.*

Results: *the analysis dispels several widespread misconceptions about the history of the International Bill of Human Rights and the contributions of non-Western civilizations to its creation. Without claiming it to be exclusive, the study proposes one possible basis for a universal and authentic interpretation of human rights instruments: the principle of anti-fascism. The article also proposes a methodological framework for the historical and teleological (problem-oriented and purposive) interpretation of human rights in controversial contexts.*

Conclusions: *from the perspective of the proposed interpretive methodology and the modern paradigm of the status of the individual in international and constitutional law, the principles of the individual's status and the catalogue of human rights enshrined in the 1993 Russian Constitution harmoniously align with both international law and national values. A problem-oriented and purposive interpretation can serve as a balanced response to contemporary challenges, while safeguarding the institution of human rights, a longstanding product of immense efforts and unprecedented intercultural dialogue. Phenomenologically, the issues addressed in this article reinforce the thesis "Back to human rights themselves!".*

Keywords: human rights; legal status of the individual; principle of equality; International Bill of Rights; state sovereignty; antifascism; absolute rights; limitation of rights; anthropology of law; teleological interpretation

Введение. Quo vadis, homo humanus?

В последние годы и даже десятилетия тема прав человека – вновь одна из центральных в политико-правовой повестке. Особенно активно она развивается в двух направлениях вокруг тезиса о предполагаемом «кризисе» прав человека в современных реалиях. С одной стороны, сторонники постмодернистского гуманизма (*правового постгуманизма*) и широкой эволютивной интерпретации норм о правах человека критикуют «недемократические режимы» за якобы отставание от современных трендов развития общества и требуют всё большего расширения нормативного содержания прав – охвата новых и новых жизненных ситуаций (которые, казалось бы, не имелись в виду при создании ключевых правозащитных инструментов, причем, что важно, часто по объективным, а не субъективным причинам). С другой стороны, многие их противники – назовем их приверженцами *постлиберального солидаризма* – настолько не приемлют «*новые права*», что в своем эмоциональном порыве совсем забывают о существовании не новых, а вполне традиционных (классических) прав человека и начинают вместо этого сочинять *собственные «настоящие права»*, то есть по форме приходят к тому же результату – призывают к новому пониманию прав человека, с разницей лишь в источнике субъективного мнения об их правильной интерпретации¹. Более того, временами начиная с укора явным и мнимым проявлениям так называемого глобализма, не учитывающего особенности и традиции национальных государств (проблема культурного релятивизма в правах человека), приверженцы второй точки зрения приходят, по сути, к тому же – утверждают непогрешимую истинность только их собственного представления о правах человека и желательность его рецепции всеми другими цивилизациями, поскольку именно они отражают «правильный» путь развития человечества². Обе эти крайности вовсе не решают кризис, а только его усугубляют, размывая *истинное понятие прав человека* и равно отдаляя общество от принципов, которые ковались в горнилах двух мировых войн вместе с переосмыслением позднесредневековой привычки приравнивать государство к Богу, а за ней и пределов государственной власти над личностью, группами лиц, народами.

Две крайности представляют в определенном смысле угрозу для прав человека, переключая внимание с последних на собственные схоластически изобретенные идеи о «правильных правах», далекие, в отличие от классических прав, от реального социально-исторического опыта. Тревожным последствием искаженного представления о правах человека подобными тенденциозными трактовками становится *уменьшение гарантий защиты реальных прав человека*, поскольку даже само это понятие вследствие приписывания ему ложных коннотаций начинает ассоциироваться с чем-то негативным (в зависимости от трактовки) и не заслуживающим защиты³.

На самом деле права человека, как и созданные на разных уровнях инструменты их защиты, имеют вполне точную историю и являются поэтому исторически обусловленными нормами международного и конституционного права. Государства продолжают участвовать в этих инструментах, несмотря на различия во взглядах и специфику внутренних политических нарративов. В свою очередь обе вышеуказанные трактовки – это следствие ошибочного представления о правах человека как абстрактных конструкциях, выведенных исключительно схоластическим путем и существующих в определенный момент времени в том смысле, который придается им аналогичными методами. В действительности, как точно отметил уже больше 10 лет назад А. И. Ковлер со ссылкой на мысли И. И. Лукашука, чтобы качественно вести дискуссию о каком-либо правовом феномене, включая права человека, необходимо сначала строго *определиться в понятиях* и *тщательно выяснить историю* вопроса [11, с. 29]. Это правило, оба эти критерия качественной дискуссии, как никогда актуальны для описанной проблематики.

Однако ни первое, ни второе из названных направлений дискурса не очень стремятся к выполнению этих базовых требований. В своих крайних формах они тяготеют к глухому консеквенциализму, закливаясь на конкретных ситуациях и стремясь любыми средствами убеждения достичь определенного практического результата (например, разрешить любые аборт как часть «новых соматических прав» или полностью запретить их как противоречие «природному праву»), пропуская как несущественную стадию определения *понятия* прав человека и выяснения *истории* вопроса⁴. С одной стороны,

¹ В. Д. Зорькин приводит в качестве крайних проявлений такого направления *правовой нигилизм* в формах «антидемократизма», «антилиберализма» и консервативно-охранительную идеологию, «основанную на идеях правовой автаркии, на отказе от идеологии прав человека, на отрицании сущностной специфики права и сведении права к властному произволу» [7, с. 159, 161].

² Он же со ссылкой на Ю. Хабермаса указывает на это как на «ложный универсализм империй прошлого», когда в вопросах международной справедливости позитивное право заменяется моралью и этикой одной нации, и ценности этой нации объявляются универсальными», при этом такой «ложный универсализм – это, по сути дела, претендующий на всеобщность этноцентризм» [7, с. 176].

³ Например, солидаристы отрицают необходимость защиты «чересчур либеральных» прав человека, а постгуманисты считают словесной спекуляцией понятие прав человека в коллективистских тональностях.

⁴ К примеру, в работе О. Ю. Рыбакова, в которой наглядно отражена логика рассуждений одного из современных направлений переосмысления прав человека, Вторая мировая война хотя и признается «определяющим событием» в истории прав человека, но почему-то в довольно странном контексте «противостояния между миром капитализма и социализма» и с выводом об активизации в Европе «сил, которые не хотели и боялись рецидивов ужасных событий». В целом этому сюжету уделено несколько предложений, что, как будет показано, недостаточно для понимания сути вопроса [30, с. 156–157].

обоснование на глобальном уровне «новых прав» часто подкрепляется только формально-логическими рассуждениями, которые притом не учитывают, что большинство норм о правах человека действительно предусматривают «поле усмотрения» национальных государств¹, которое актуально в том числе для вопросов, возникающих из-за жизненного или мыслительного прогресса, очевидное решение которых с точки зрения исторического предназначения соответствующих прав и их консенсусной универсальности отсутствует. С другой стороны, обоснование позиций второго из указанных направлений, наоборот, редко соответствует строгим законам логики и еще реже отличается оригинальностью, поскольку сводится скорее к субъективной оценке отдельных вырванных из контекста конституционных или международных норм о правах человека в связи с отдельными случаями их применения (распространенный пример – критика толкования Европейским Судом по правам человека права на уважение частной жизни в отдельно взятых случаях) и опирается на хорошо известную концепцию мажоритарной (реже – миноритарной) диктатуры. Но эти единичные эксцессы часто тиражируются как вся суть прав человека, а не как ошибки системы, чему, по-видимому, способствует концептуальное неприятие любых интерпретаций прав человека, которые не угодны доминирующему большинству или меньшинству в той или иной части света. Другими словами, следуя такой логике, правами может признаваться только то, что угодно последним в данный конкретный момент. Однако тот факт, что сторонники диктатуры не находят места правам человека, не удивителен – это изначально несовместимые категории, и вряд ли когда-то предполагалось, что права человека должны мириться с диктатурой, равно как и наоборот. Поэтому в отрицании прав человека с позиций диктатуры большинства или меньшинства нет ничего нового.

Новым же современным дискурсом о правах человека можно назвать потому, что причинный контекст, определяющий его ритмы и тональности, неравносителен тому, который имел место во времена становления современной концепции прав человека. Стали забываться базовые истоки интенсивной политико-правовой дискуссии за права человека, имевшей место в середине XX века далеко не без участия всех заинтересованных народов. История этой дискуссии напрямую связана с историей вопроса о том, почему российское государство (в формате СССР) еще в 1968 году подписало два Международных пакта о правах человека, оба построенные на идее универсальности правового статуса личности, затем присоединилось к Конвенции против пыток сразу после ее окончательного составления в 1985 году и, следовательно, почему на самом деле появилась глава 2

Конституции Российской Федерации в той формулировке, в которой она существует сейчас. Часто говорят, что незнание истории соответствующим образом влияет на перспективу будущего – и поднятый вопрос вряд ли является исключением. Для его решения необходимо вспомнить, что права человека в том виде, в котором они закреплены в ключевых международно-правовых актах, стали не самым приятным уроком истории, который выучило мировое сообщество. Нельзя забывать, на смену чему пришла действующая концепция прав человека, и, соответственно, придется неизбежно задумываться о том, к какой жизни можно прийти (или вернуться) без них.

В этом плане небесспорными представляются предложения искать абсолютно новые методики выхода из вышеназванного кризиса, который возник будто бы не так давно в результате формирования прогрессивной «критической» школы международного права в ответ на эксцессы глобализации [23]. Критики, как объясняет А. Н. Медушевский, атакуют действующее международное право прав человека под предлогом их ложной универсальности, обнаруженной в результате перенесения «западных» идей в «незападные» общества [23, с. 9]. Однако ничего принципиально нового или, точнее сказать, неизвестного истории прав человека в этом дискуссионном тезисе нет. Точно такие же аргументы звучали в середине XX века (противостояние капиталистических и социалистических подходов к организации общественной жизни²), и именно они затормозили принятие Всеобщей декларации прав человека на несколько лет, а Международных пактов – на два десятилетия. Но что важно – не отменили, а затормозили! В процессе долгого и тщательного согласования интересов и концепций менялись формулировки норм, обогащались *travaux préparatoires*, что только и свидетельствует о том, что выработанные тогда стандарты, минимально необходимые для достижения целей, которые были вынужденно поставлены перед всем цивилизованным миром известными античеловеческими событиями, стали залогом *общепризнанного* положения индивида, где бы он ни находился. Поэтому, если придерживаться исторически обусловленного понятия прав человека, возникает тревожный вопрос: какие же «культурные представления и правовые традиции» азиатских или африканских обществ могут настолько «существенно отличаться» от указанных целей, чтобы препятствовать их «интеграции в мировую правовую систему» [23, с. 25]? Стоит ли снова сочувствовать такой дискуссии и не напоминает ли она в отдельных чертах (как минимум методологических) некоторые европейские дискуссии первой половины XX века?

¹ То есть возможность разумного и обоснованного ограничения прав для защиты определенных ценностей.

² Что вполне созвучно с противопоставлением концепций индивидуализма и солидаризма (и тем более «либеральных» и «постлиберальных» ценностей) в современной дискуссии [23, с. 10, 19].

На самом деле многие противоречия возникают не в связи с неприятием как таковой *идеи универсальности* основных прав, а в связи с неправильным пониманием механизма и сферы этой универсальности и, как было сказано, с неприятием отдельных инновационных интерпретаций прав, которые сами по себе (хочется надеяться с учетом вышесказанного) не вызывают и не должны вызывать отторжения как минимум, если обращаться к их исторически обусловленному предназначению. Самопровозглашенное преувеличение новизны и актуальности современной позиции многих критиков «декларируемой универсальности стандартов прав» подпитывается амбицией нахождения «на переломной точке мирового развития, когда определяется, какая конструкция прав человека будет принята в будущем» [23, с. 25]. На фоне *реальной* исторической переломной точки¹, которая стала *настоящей* причиной появления международного права прав человека, такие заявления звучат, как представляется, несколько кощунственно. Подпитываемые этим самовоодушевлением нескончаемые споры вокруг прав человека связаны попросту с тем, что сегодня пока еще есть условия для подобных *абстрактных рассуждений* на эту тему, каких не было в середине XX века. Поэтому, если и вести речь о завершении обозначенной полемики выбором между несколькими концепциями прав человека, то это должно быть не предпочтение либеральной/нелиберальной концепции, а возвращение или отказ от возвращения к историческим корням смысла и содержания прав человека. Далее – вопрос в правильных инструментах определения с учетом современных условий этих смыслов и содержания (которые *должны оставаться универсальными* при неизменности начальных целевых установок), наподобие тому, как когда-то был достигнут консенсус между разными культурами на базе системы ООН. Как и тогда, найти инструмент для достижения этого консенсуса не просто – выбрать «каждому свое» гораздо легче. Но поднятый вопрос не из тех, которые предполагают простое решение, – решая его, современники отвечают не только перед будущими, но и перед предыдущими поколениями, которые выковали и сохранили мир, где в принципе есть место дискуссии о правах человека.

Не можем не согласиться поэтому с выводом А. Н. Медушевского о том, что критики универсализма в данном случае (посягая на универсализм классических, «не новых» прав) играют скорее

деструктивную роль – приводят к «отрицанию легитимности международно-правовой конструкции прав человека, возникшей после Второй мировой войны (а другой просто не существует), ставят под сомнение универсальный характер стандартов их защиты и возможности обеспечения на глобальном уровне в системе международного конституционного правосудия» [23, с. 25]. В осмыслении возможных решений преодоления кризиса автор исходит из необходимости поиска нового когнитивного критерия универсальности прав. Однако по крайней мере один надежный содержательный критерий, который должен быть противопоставлен «формальному критерию универсальности прав» для поиска их сущностного единства и понимания смысла, уже есть. Этот критерий – *антифашизм*², и он не предполагает никаких «культурных особенностей» и апелляций к полю усмотрения государств. Более того, современная система международной защиты прав человека – это во многом отнюдь не абстракции, а веками выстраданный решительный ответ человечества на *конкретные* бесчеловечные практики, совершавшиеся или одобрявшиеся правительствами разных стран в разное время и достигшие апогея в первой половине XX века, а значит, этот критерий способен закрыть и проблему чрезмерного эволютизма в толковании прав, отграничив их устойчивое содержание и очевидные смыслы от *возможных, но не обязательных (в том числе неолиберальных) стратегий* инновационной интерпретации. Не претендуя на всеобъемлемость и исключительность, в настоящей статье автор предпринимает попытку собрать воедино концептуальные основы толкования основных прав исходя из названных содержательных векторов.

1. Исторически обусловленная концепция статуса личности как универсальный критерий интерпретации современных правозащитных инструментов

К субъектам публичного права уже давно относятся не только публично-правовые образования, государственные органы и иные коллективные субъекты с публичными функциями, но и сам человек. Это проявляется не столько в правоотношениях, где физические лица выступают одной из сторон, подверженной императивному методу публично-правового воздействия, сколько в правоотношениях, где индивид, наоборот, обладает определенными правами

¹ В свое время на руинах человечества и человечности, перед принятием Всеобщей Декларации прав человека, писали: «Международное право сегодня переживает критически важный момент и его кризис касается каждого отдельного человека» [44, р. 437].

² В смысле осуждения античеловеческих практик фашистских режимов XX в., а также использовавшихся для их реализации или способствовавших этому политических и правовых средств. О непосредственном влиянии судебного исследования таких практик в рамках Нюрнбергского процесса на последующую институционализацию международного режима защиты прав человека см. основательную работу А. М. Николаева [27, с. 64–67]. Детальный хронологический анализ таких практик представлен Р. Штакельбергом [50].

на требования *vis-à-vis* государству. К числу последних можно отнести, например, защиту прав предпринимателей при проведении органами государственного контроля (надзора) соответствующих проверочных мероприятий, не говоря уже о полномасштабном блоке конституционных прав человека и гражданина, объектами регулирующего воздействия которых являются прежде всего сами органы государства (обязанность соблюдения прав), а не физические лица (следовательно, они представляют собой, можно сказать, инверсию императивного метода в сторону самого государства). В связи с этим отношение к публичному праву (и праву вообще) как к средству неограниченной дискреции государства в отношении частных субъектов является пережитком типов правовопонимания, так или иначе подразумевавших отрицание всеобщего равенства. В обществах, основанных на признании всеобщего равенства, личность давно признана объектом конституционно-правовой охраны, а каждый человек – субъектом конституционного (следовательно, публичного) права. Даже в международном праве долгое время ведутся серьезные дискуссии о том, что индивид фактически приобрел черты субъекта международного публичного права, причем именно в связи с формированием отрасли международного права прав человека [11, с. 29], что было немислимо еще 100 лет назад, не говоря уже о более давних временах.

На протяжении тысячелетий история человеческой цивилизации и неразрывно связанная с ней история государства и права являются свидетелями разных, порой диаметрально противоположных взглядов на то, какое положение отведено человеку в этом мире в целом и в политической системе общества в частности. С появлением политического «общезития» (по Аристотелю) встроенность человека в систему социальных связей, порождающую постоянное столкновение интересов, обусловила неизбежное принесение в жертву свободы, которой он мог бы обладать вне рамок общества. Поскольку степень такой жертвы может варьироваться в зависимости от характера и целей конкретной общественной формации (что встречно влияет на степень получаемой взамен этого «свободы-в-обществе»), для установления ее конкретной «планки» постоянно приходится решать вопрос: *какова ценность каждой конкретной личности в отношении к государству (обществу)?* Субъективная уникальность и естественное стремление каждого человека к личному благополучию (когда-то это называли «стремлением к счастью») вынуждены соотноситься не только друг с другом, но и с появлением объективных общих (социальных) и групповых (классовых) интересов в зависимости от типологии государства. Это одна из самых сложных правовых антиномий, однозначное и идеальное разрешение которой вряд ли постижимо и достижимо.

Тем не менее людям всегда приходилось так или иначе решать этот вопрос, а борьба личных и публичных интересов и ее влияние на конфигурацию свободы *людей-в-обществе* характеризует весь путь развития права в качестве важнейшего социального регулятора. По мере «борьбы за право» [9], как назвал Р. Иеринг кровопролитный процесс столкновения и постепенного согласования противоположных или конкурирующих социальных интересов, подход к определению статуса личности претерпевал *стержневые трансформации* от полного отрицания человека *per se* в качестве субъекта каких-либо прав до провозглашения человека и его основных прав высшей ценностью.

Исходя из сказанного под концепцией публично-правового статуса человека, которая напрямую влияет на **концепцию прав человека**, в настоящей статье понимается *системообразующая правовая идея и общий принцип, в соответствии с которыми:*

– в целях права определяется положение человека (индивида) по отношению к обществу и государству;

– выстраивается система основных прав, свобод и обязанностей индивидов;

– устанавливаются границы и оценивается допустимость вмешательства в указанную систему, в том числе приемлемость той или иной степени ограничения прав человека.

В свою очередь для того, чтобы определить действующую в том или ином обществе концепцию прав человека (гражданина), необходимо ответить на **три принципиальных вопроса**. Во-первых, признается ли человек *per se* субъектом в глазах закона? Во-вторых, признается ли всеобщее равенство и равноправие? В-третьих, какова роль государства в регулировании прав человека (поставлено ли содержание прав (и насколько) в зависимость от воли государства, исчерпываются ли права содержанием государственных актов)?

Качественное понимание современной концепции прав человека, которой пронизаны как общепризнанные принципы и нормы международного права, так и большинство демократических конституций, невозможно без анализа сложного исторического пути, который был пройден для ее утверждения и который наглядно демонстрирует *развитие не только самих концептуальных подходов* к взаимоотношениям государства и личности, но и их *практико-ориентированного целеполагания*. А. И. Ковлер на примере принципа справедливости ярко показал, как именно смена ключевой идеи (концепции), от которой отталкивается статус личности и представителей власти, приводит со временем к наполнению одних и тех же правовых категорий диаметрально противоположными смыслами [13, с. 21]. Следовательно, чтобы компетентно вести речь о концепции прав человека, требуется применить классический

диалектический метод – найти и проследить идейные истоки современных принципов правового регулирования в данной сфере, поняв, какую проблему они стремятся решить, *в ответ на что и для достижения чего* они были разработаны.

1.1. Древнейшие подходы

Поскольку в древних огосударственных обществах в качестве высшей ценности преобладала идея трансцендентного и священного, это накладывало соответствующий отпечаток на правовое положение обычного, не персонифицированного человека. В Древнем Египте это была идея Маата (гармонии), в Вавилоне – идея справедливости по велению Шамаша, в Древней Индии – идея приложения всех земных усилий к единению с божеством (и, следовательно, почти бессмысленности заикливания на земных благах). В технологических и социальных условиях древнего времени попросту отсутствовала система социальных лифтов и возможность для самореализации большинства людей. На фоне доминирования неквалифицированного труда в качестве основной человеческой функции обезличенный индивид выглядел незначительной частью общей людской массы, незримый процесс воспроизводства которой подпитывал в целом безразличное отношение к личности. Социальная структура способствовала измерению ценности человека не в нравственном аспекте (человек – цель), а в экономическом (человек – средство), подразумевая возможность быстрой замены одного другим. Вместе с тем соблюдение названной идеи обеспечивалось тоже людьми – меньшинством, которое строило свою власть на обязательности соблюдения соответствующих «священных» законов.

Эта идея, следовательно, являлась не только воплощением, но и *несущей конструкцией узаконенного социального неравенства*, в том числе неравенства правового. Человек как физическое существо сам по себе не представлял никакой трансцендентной ценности – признак самоценности имелся только у божества, а отдельные люди обладали ею только потому, что декламировали свою связь с этим божеством и причислялись к его продолжению (например, брахманы и кшатрии в Индии или фараоны и жрецы в Египте). Публичная власть имела во многом религиозный характер, проистекала из самой указанной идеи, а представления о загробном мире использовались для ориентации человека на лояльное отношение к власти [31, с. 70]. «Встречного движения» эта конструкция лояльности не предусматривала. Это было «право сильного» [31, с. 76]. Как показывает А. И. Ковлер в непревзойденном для отечественной науки труде по антропологии права, по мере огосударствления почти всех первобытных обществ выделился самостоятельный управленческий слой, власть которого строилась на преклонении перед

«божественной силой» и «страхе быть жестоко наказанными или принесенными в жертву *по любому поводу*, [а] *бесчисленные табу и запреты* лишали общинника попыток к самостоятельности... имели целью *беспрекословное подчинение* власти вождя»¹ [10, с. 177]. Отношение к вопросу концепции прав человека (в поставленном значении) здесь самое прямое и наглядное: человеку в условиях этой социальной системы, построенной вокруг идеологии неравенства, приходилось всегда помнить, что «правила, которым он должен следовать, *даны ему сверху*, а надзирать за их исполнением должны правитель и назначенные им для этого чиновники» [10, с. 184]. Мифологии была придана «четкая “идеологическая” функция: *подчинение человека воле правителя*» [10, с. 185]. Причем подчинение бескомпромиссное – не признававшее *никакой политической субъектности* за разумом кого-либо, кроме самих правителей.

В. А. Томсинов наглядно показал это в отношении политической системы Древнего Египта, подчеркнув значение ее концептуальной конструкции: «Общественный строй, предполагавший заметные *различия в имущественном положении и статусе* различных групп людей, а также монополизацию управленческой функции определенным кланом, мог стать устойчивым лишь при условии признания его со стороны большинства членов общества. Для обеспечения такого признания должна была возникнуть *идеология, оправдывающая общественное неравенство*, придающая носителям публичной власти качества, возвышающие их над обыкновенными людьми» [32, с. 137]. Другими словами, эта идеология и была в определенном смысле *концепцией статуса человека* (вернее, «человека обычного»), которая *оправдывала бесчеловечное содержание права*. В таком обществе права принадлежали не всем (масса людей в древних обществах *вовсе не обладала правосубъектностью*), а кому принадлежали – в разном объеме. Представители высших каст были вправе потребовать и немедленно получить от «низших» то, что им пожелается. Содержание обязанностей, повинностей и ограничений, накладываемых на людей, не было стабильным и четко определенным, так как зависело от произвольного усмотрения высших каст и жрецов, имевших возможность вольно толковать священные тексты, мифы и «знаки богов». Инструментарием регулирования «прав» при такой концепции чаще всего выступали *внеправовые иррациональные категории*, не обремененные законами логики и в лучшем случае опирающиеся на мораль (например, понятие греха). *Концепция второстепенной значимости отдельной человеческой жизни* подпитывала и оправдывала чудовищные, с точки зрения современного человека, посяательства на физическую целостность и свободу: широко применялись такие наказания, как отрезание языка, губ, рук, ноги и даже кастрация, которые

¹ Курсив в цитатах здесь и далее добавлен автором настоящего исследования.

признавались абсолютно законными и, следовательно, соответствовали характерной для того времени концепции статуса человека. Речи не шло не только о равенстве, но и о разумности: к представителям высших каст применялись более мягкие наказания, а за обычное оскорбление брахманов шудрам могли отрезать ногу. Как видно, отношение к человеческому существу в таком обществе мало отличалось от отношения к животным.

Подобные концепции правового статуса человека характерны для большинства сменявших друг друга на протяжении многих веков политико-правовых формаций, общественная структура и организация власти в которых хотя и отличались, но базировались преимущественно на оправдании *социального неравенства*¹. Рабство с характерными негуманными практиками официально практиковалось не только в Греции и Риме, но и в исламе [41], а также китайскими правителями [51, р. 299]. В Европе с распространением христианства рабство постепенно отменяли (заменяя, правда, институтами сословного неравенства), а греко-римская цивилизация укоренила в европейских народах *идею свободы*, накрепко связав ее с принципом *определенности закона*. Представление о вредоносности ситуативных, произвольных правил-команд, будь то «закон, одобренный толпой на афинской агоре, или капризный приказ сицилийского тирана», легло в основу дальнейшего развития всех континентальных правовых систем [17, с. 90–91]. Но свобода эта по-прежнему означала не имманентное свойство человека как творения Бога или природы, а политическую привилегию, которая имеет глубокие социальные корни по принципу «*suum cuique*». Как показал академик В. С. Нерсисянц, появление государств Древности действительно стало первой вехой человечества в опыте организованной свободы, но пока только в расчете на социально значимую группу свободных индивидов [26, с. 233–235]. В эпоху феодализма как фактическое, так и юридическое (официально признанное) неравенство по-прежнему имело системный характер. Наиболее близким к сегодняшним дням воплощением концепции «второстепенности» *homo naturalis* были средневековые абсолютные монархии, полагавшиеся, опять же, в том числе на идею «божественного права королей» [34, с. 42–52], а также на вытекающую из него супрематию королевской власти и обязанность всех неукоснительно исполнять приказы монарха (позже – на концепцию национального государства при той же неограниченности власти). Как объяснял В. М. Гессен, даже наличие законов в старых режимах не вносило никакой

определенности для индивида, поскольку они обязывали администрацию по отношению к суверену, а не к личности. Характер же отношений между государством и подвластными в *абсолютном государстве* был таков, что даже подзаконное управление было для них таким же неограниченным и свободным, как сам монарх [3].

Европейская церковь долгое время не противостояла произволу, а наоборот, вооружившись ксенофобией и той же жаждой власти, только усугубляла ущербное положение личности как универсального феномена. Государство поощряло покорных *граждан* (подданных), церковь – покорных *прихожан* праведников, *личность* была сиротой.

1.2. Переходный период

Тем не менее развитие науки в поздние Средние века (Ренессанс) и особенно в период Нового времени подстегнуло бурное распространение методологии рационализма, научно-технический прогресс внес существенные коррективы в экономическую структуру общества, а начавшаяся Реформация неизбежно наложила отпечаток не только на вопросы церкви, но и на концепцию прав человека. Появлялись примеры того, что *отдельные люди*, даже не из числа «избранных», усердным трудом, образованием и развитием таланта способны внести огромный вклад в наследие человечества (эмпирические предпосылки индивидуализма). Человеку и его бытию – как с точки зрения естествознания, так и с точки зрения логики божественного творения – стало уделяться всё больше внимания (формирование гуманизма), что способствовало постепенному укреплению позиций о ценности человеческой жизни, о непозволительности посягающих на нее злоупотреблений земных властей. Можно сказать, что впервые властные злоупотребления здесь оказались *vis-à-vis* человеку как таковому². Даже будучи сторонником абсолютной теологически обусловленной монархии, Т. Гоббс посвятил первую часть своего знаменитого трактата не государству, а человеку и признавал право каждого сопротивляться приказам суверена, которые каким-либо образом влекут обязанность не защищать собственную жизнь [4, с. 150–151]. В рамках рационалистической парадигмы и на фоне развенчания ненаучных мифов об устройстве мира и человека *становилось всё труднее оправдывать ущербное отношение к правам отдельного индивида посредством иррациональных концептов*. Закономерной реакцией стало стремление правителей найти рациональные основания своей власти ограничивать права человека. Немного забегая вперед,

¹ Греческая философская революция навсегда бросила тень на глухой иррационализм при помощи логики, однако долгое время ее было сложно назвать достоянием широких масс.

² В учениях Платона и Аристотеля тоже критиковался властный произвол, но в условиях ярко выраженного социального неравенства, которое описано выше и которое отражалось в их трудах, эти идеи вряд ли можно отнести к гуманистическим в строгом смысле слова.

можно сразу отметить, что постепенно этот процесс рационализации привел к формированию устойчивого представления о том, что любое ограничение прав человека должно быть разумно обосновано (в том числе принцип соразмерности и пропорциональности ограничения прав).

Именно в указанную эпоху интеллектуальных перемен сложилась одна из самых влиятельных концепций правопонимания – доктрина естественного права [37], отразившаяся на всей дальнейшей истории прав человека [20, с. 43–48]. Имея в основе максимум естественного (природного) равенства всех людей, эта доктрина логически выводила не только положения о неотчуждаемых правах, но и, что почему-то нередко забывается, ключевой принцип государственного правления любого современного государства – члена ООН: согласие управляемых (общественный договор), предполагающее, помимо прочего, необходимость проведения выборов и понятие народного самоопределения. Так или иначе, она вдохновила движения борьбы за общечеловеческие и гражданские права не только в Европе, но и в России¹. Классическими результатами этой борьбы в Европе, которые первоначально носили национальный характер, но вскоре породили мощный идеологический импульс масштабного переосмысления концепции прав человека, считаются английские Хэбес корпус Акт 1679 года и Билль о правах 1689 года, французская Декларация прав человека и гражданина 1789 года, американские Декларация независимости 1776 года и Билль о правах 1789–1791 годов. Как показывает профессор Пекинского университета К. Ченгдан, концепция «неотчуждаемых естественных прав» на определенном этапе явилась закономерной необходимостью в условиях социально-экономического развития общества и инструментом в руках широких групп населения, когда стало очевидно, что абсолютная монархия не удовлетворяет интересам национального государства [42, р. 6690]. Поэтому, несмотря на разные оценки социальных и экономических результатов буржуазных революций, одним их бесспорным достижением с точки зрения концепции прав человека стало провозглашение и официальное признание равенства всех людей. Это, в свою очередь, повлекло глобальное переустройство правовых систем (в том числе конституционализацию), поскольку необходимым условием юридического равенства является формальная определенность, то есть четкость, недвусмысленность, заблаговременная известность правовых норм и предсказуемость законодательной политики. Этот принцип

по сей день признается одним из системообразующих в конституционной демократии². Социалистические революции стремились пойти еще дальше, обеспечив не только формальное, но и фактическое равенство, хотя потенциал социализма в данном направлении является предметом давних дискуссий (взять, к примеру, оценки Б. Н. Чичерина) [38, с. 257–289].

В русском государстве эпоха интеллектуальных перемен и расцвет рационализма оставили не менее яркий след. Многие идеи о недопустимости «безбожных» и «любодерзких» законов (понятия, использовавшиеся Ю. Крижаничем [36]), о надлежащей заботе о народе и должном обращении с крестьянами, об ограничении властного произвола и о смещении акцентов в церковной идеологии высказывались русскими мыслителями еще до начала Реформации в Европе (Н. Сорский, М. Грек, Ф. Карпов) [33, с. 74–90]. Если в Европе XVII века модели просвещенной монархии в сопоставлении с пагубностью тирании разрабатывались Т. Гоббсом, Дж. Локком и Ш. Монтескье, то в России соответствующую оценку с акцентом на идею человечности дал Ю. Крижанич: «Тиран – это разбойник... Это – палач без судьи и [без] закона. Это – человек, отвергший всё человеческое» [33, с. 161]. Развитие идей естественного права, причем по большей части не вопреки, а в русле и с целью истинного поддержания традиционных русских ценностей, связано с именами русских мыслителей и общественных деятелей Ф. Прокоповича, П. Пестеля, Н. Муравьева. Сложно переоценить вклад И. Канта, 300-летие которого праздновалось в 2024 году по Указу Президента России, в разрушение представления о человеке как о «мелком винтике системы» и в становление современного понимания права и прав человека как антитезы произвола-хаоса: «Право – это совокупность условий, при которых произвол одного (лица) совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [35].

Мощное течение русской философии «возрожденного» естественного права позднего XIX – раннего XX века, общим культурно-историческим истоком которого стала христианская мысль, представляют работы Н. А. Бердяева, Б. А. Кистяковского, С. А. Котляревского, И. В. Михайловского, П. И. Новгородцева, Е. Н. Трубецкого и др. [5]. Эволюция концепции государственной власти от произвольного насилия к правовому (конституционному) порядку исследовалась В. М. Гессеном, Ф. Ф. Кокошкиным, Б. Н. Чичериным, Н. М. Коркуновым. В аспекте поставленных ранее трех концептуальных вопросов

¹ Напомним, что не только в Европе, но и в России юридический позитивизм, крайностям которого сопротивлялась школа естественного права, не являлся изначальным или традиционным типом господствующего в обществе правопонимания. Он занимает малейшую часть в истории правовой мысли, как и само понятие государства современного типа.

² См., например, п. 1.4 информации Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)», одобрен. Решением Конституционного Суда РФ от 19 окт. 2021 г. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (далее – Информация КС РФ «Методологические аспекты конституционного контроля»).

примечательны выводы Гессена о том, что «в абсолютном государстве подданный полностью лишён каких-либо прав по отношению к безграничной власти и потому может лишь просить милости» [3, с. 193], что неприемлемо в правовом государстве.

Говоря о концепции универсальности прав человека, невозможно не вспомнить выдающегося российского правоведа и дипломата Ф. Ф. Мартенса, благодаря которому уже во второй половине XIX века (в том числе по поручению императора Николая II – в ходе участия в Гаагской конференции 1899 г.) на международном уровне было признано наличие «установившихся между образованными народами обычаев, законов человечности и требований общественного сознания», которые требуют защиты человека *вне зависимости от имеющихся норм позитивного права*. Вклад Мартенса в современное международное право признается во всем мире [48, р. 771]. С учетом изложенного одним из серьезных заблуждений об историческом развитии прав человека является отстраненность России и русской правовой мысли от участия в постепенном формировании современной концепции правового статуса личности (будто бы она свойственна исключительно «западному либерализму» и является его вечным спутником), что только подтверждается последующими этапами истории (будет показано далее). В этом плане весьма интересно наблюдение А.В. Корнева о том, что применительно к вопросу о формировании послевоенного режима прав человека можно даже найти «преемственность между дореволюционными либералами и советскими юристами» [15, с. 25].

Следовательно, закладывая первые краеугольные камни универсального признания человека субъектом определенных прав, международное право начало постепенно возвращаться к своим смысловым истокам, которые подчеркнул И. И. Лукашук: «Все международное право создано для блага человека (*Nominum causa omne jus gentium constitutum est*)» [22].

Таким образом, *коренной перелом концептуальных воззрений на права человека* постепенно происходил в XVII–XIX веках и уже к первой половине XX века в цивилизованном мире сформировались **положительные ответы на первые два из ранее поставленных принципиальных вопросов** (признание каждого человека субъектом права и провозглашение юридического равенства). Тем не менее, несмотря на громко задекларированные ценности, реальная ситуация в сфере прав человека была далека от идеальной и по-прежнему во многом зависела от текущей политики, педалируемой конкретным правителем, чему способствовало «вестфальское» понимание суверенитета. Во Франции символом демократии на фоне Декларации прав человека и гражданина стала «брита нации» (гильотина), а в США при действующем Билле о правах по-прежнему существовали рабство и расовая сегрегация. Вплоть до

середины XX века, несмотря на всё более значительные сдвиги в направлении современной концепции прав человека, «гуманность, по образному замечанию В. Пустогарова, отдавалась на произвол государств. События Второй мировой войны подтвердили эту печальную закономерность» [11, с. 41] (рассуждение В. Пустогарова на примере реального эффекта Женевской конвенции 1929 г.).

1.3. Современная концепция статуса личности и прав человека

К выводу о необходимости полного переосмысления концепции прав человека мировое сообщество пришло, когда подобные «национальные» практики окончательно вышли за рамки умопостижимого. После чудовищных фашистских злодеяний, беззастенчиво совершавшихся в центре Европы в 30–40-е годы XX в. под видом «официальных» мер, в том числе путем принятия античеловеческих законов и судебных решений, всем народам общими усилиями и высокой ценой пришлось вернуться к проблеме подлинного воплощения ценностей, провозглашенных более 100 лет назад. Нельзя сказать, что эти события стали первыми и единственными в своем роде системными посягательствами власти против людей – история помнит Варфоломеевскую ночь и якобинский террор во Франции, костры Марии Тюдор в Англии, Святую инквизицию в Испании и т. д. Но именно зверства гитлеровской Германии по своим масштабам во всех измерениях стали последней каплей в чаше терпения людей по отношению к концепции второстепенности прав человека на фоне обожествленного всевластия государства по средневековым лекалам. Можно сказать, что начавшись серьезным военным конфликтом, в итоге Вторая мировая война стала решающей битвой против всего самого бесчеловечного – за человечество, человека и его права. Роль и ценность человека, отношение к его участи и положению перед лицом «Левифана» подлежали ревизии. Стало очевидно, что сжигание людей в печах, внесудебные казни, показательные унижения людей «неправильной» расы и средневековые пытки, беспочвенные вторжения в жилище, произвольные аресты, легализованные похищения и другие подобные необоснованные дискриминационные нападки не могут быть признаны допустимыми в современном мире нигде и ни при каких обстоятельствах.

Отечественные правоведа совершенно точно подчеркивают непревзойденное **значение не столько идеологии, сколько реального исторического факта** для появления прав человека как автономного правового института, вставшего в полный рост в один ряд наравне с институтом государственной власти. Речь, конечно, о результатах Второй мировой войны и, в частности, расследований, проведенных в рамках Нюрнбергского процесса. А. М. Николаев справедливо указывает, что «масштабность

нарушений прав человека со стороны гитлеровского режима была очень убедительно отражена в документах Международного военного трибунала», поэтому «очевидно, что многочисленные документальные свидетельства нарушения фундаментальных прав и свобод человека послужили дополнительным мотивом в пользу создания системы международной защиты прав человека» [27, с. 65]. Неизбежность пересмотра средневековой модели государственного суверенитета, по которой любой произвол оправдывался ссылками на «внутреннее дело» каждого правительства, а за ним и необходимость внедрения универсальных внешних (по отношению к власти) правовых критериев оценки деятельности тех, кто находится у власти в том или ином государстве в конкретный момент, заметна в том числе в позиции главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко, согласно которой трибунал стал первым случаем, когда перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и сделавшие *само государство* орудием своих чудовищных преступлений [6, с. 18]. Как метко уточнил А. И. Ковлер, «индивидуализация норм международного права стала ответной реакцией на государственный беспредел» [11, с. 32].

К сожалению, предпринимаемые сегодня попытки некоторых российских правоведов приписать правам человека звание «западного изобретения» умаляют великий вклад советского народа и государства в политико-правовой прогресс исторического масштаба. В самом Советском Союзе в тот переломный момент не было сомнений, какой объединительный смысл имеет международное право, права человека и с точки зрения какого критерия их нужно толковать. Курс международного права, изданный Минюстом СССР в 1947 г., связывает появление новой системы международного права (тогда активно велась работа над Всеобщей декларацией прав человека), с «борьбой двух лагерей» – и, как ни удивительно, вовсе не капитализма и социализма, а *фашизма и демократии*; при этом «в лагере демократических стран сложилось боевое *содружество СССР со свободлюбивыми народами Запада и Востока*» [24, с. 4]. Поразительно, как одной фразой решительно перечеркиваются все анти-универсалистские спекуляции о навязывании Западом нового международного права безучастному Востоку. Указанное содружество именуется «союзом держав демократического фронта», который оформился соответствующими договорами; подчеркивается, что «для демократических стран Вторая мировая война была... войной справедливой» (в отличие от гитлеровского режима) [24, с. 486]. Неразрывная связь созданной по результатам войны системы ООН и ее правозащитных инструментов с треком антифашизма прекрасно показана здесь посредством обращения к авторитету И. В. Сталина: «Товарищ Сталин предсказал, что в борьбе с фашизмом создается *“...единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и*

угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера”» [24, с. 604]. Более того, Сталин метко разъяснил: «В задачу Объединенных Наций не входит уничтожение германского народа... но *Объединенные Нации уничтожат фашизм и <...> милитаризм...*» [24, с. 605]. Более того, Молотов тоже подчеркивал, что «только *совместные* усилия тех держав, которые вынесли на своих плечах тяжесть войны и обеспечили победу демократических стран над фашизмом, *только такое сотрудничество может содействовать успехам работы новой международной организации на пользу длительного мира*» [24, с. 15].

Подвести черту под приведенными максимами огромной политической мощи помогут выводы известнейшего советского правоведа-международника И.И. Лукашука, который показал, что не только международное право, но и конституции современных государств дают основания считать, что *права человека неотъемлемы от демократии*, которая объединила все народы в борьбе против гитлеровского режима. «В противном случае права человека превращаются в пустой звук, так как они могут быть обеспечены лишь в условиях демократии. <...> Не отступая от своего межгосударственного характера, международное право все более ориентируется на человека. И в этом нет противоречия, скорее можно говорить о закономерной связи. Уважение прав человека, демократия – важная гарантия мира. В международных актах подчеркивается, что уважение этих прав является основой всеобщего мира» [21].

То, что идеологической основой для *современной концепции* и инструментов защиты прав человека, которая только и способна объяснить их сущность и предназначение, стало именно острое осознание разрушительных последствий Второй мировой войны по вине гитлеровского режима и стремление не допустить в будущем возрождения где-либо политики систематической, массовой и грубой античеловечности, наглядно подтверждают своими исследованиями также О. М. Мещярякова [25, с. 59–60], А. Г. Лисицын-Светланов и И. А. Ледях [19]. Ключевое – *стремление не допустить в будущем* – что дает полное основание рассматривать этот идейный исток (*антифашизм*) в качестве одного из критериев интерпретации и оценки каждого последующего шага в развитии новейшего института прав человека, одной из ключевых составляющих отсчитывающейся от Нюрнбергского процесса кампании «право против войны и фашизма» [28]. Плавно переходя к дальнейшему вопросу, отметим, что важным выводом здесь будет следующее: современные права человека ознаменовали конец эпохи *прерогативного (абсолютного) государства*, каким была нацистская Германия и в котором никакие нормативные элементы в действительности не сдерживали властный произвол [45], положив начало господству *правового закона и правового государства*.

Современная концепция прав человека, как уже ясно из проведенного анализа, не только безоговорочно признает человека бесспорным субъектом в глазах закона и строится на принципе всеобщего равенства, но и дает отрицательный ответ на вопрос о том, является ли воля текущего законодателя единственным (исчерпывающим) источником прав человека и наделен ли он неограниченной властью давать и забирать гражданские права.

Вопреки встречающемуся мнению о том, что институт прав человека продиктован современным государствам решениями *органов* ООН или других международных организаций, в действительности он был заложен *учредителями* ООН (включая СССР и Китай) в качестве одной из двух *несущих конструкций всего современного миропорядка* (наряду с задачей обеспечения международного мира и безопасности), что только подтверждает причинную связь *обеих* этих задач с результатами войны. Так, всеобщее уважение и соблюдение прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии, является одной из ключевых обязанностей государств – членов ООН (п. «с» ст. 55, ст. 56 Устава ООН). Представители многих государств (включая Китай, Чили, Египет и др.) отмечали, что возложенная на уровне Устава ООН общая обязанность соблюдения прав человека раскрывается последующими правозащитными документами. Воплощением новой концепции прав человека, которая впервые вышла на официальный международный уровень, стал так называемый Международный билль о правах человека¹, включающий в себя Всеобщую декларацию прав человека² (далее – ВДПЧ) и два Международных пакта о правах человека. О том, что ключевой категорией этой концепции стало понятие *универсальности* прав, говорит само название Декларации («всеобщая» – эквивалент английского *universal*).

Однако, несмотря на понимание общих целей в послевоенное время, процесс принятия этих документов нельзя назвать простым. Хроники их разработки [52] свидетельствуют о том, что окончательные тексты стали результатом огромной согласительной работы, а многие положения специально были сформулированы таким образом, чтобы обеспечить возможность достижения *международного – всеобщего – консенсуса*. Быстрое решение вопроса об универсальных правах оказалось невозможным ввиду разницы взглядов национальных государств (тот самый культурный релятивизм). Как справедливо отмечает М. А. Лихачев, «идеи либерального индивидуализма конкурировали с левым коллективизмом и напиранием правовым реализмом. Успех каждого из направлений был

переменным и неочевидным. Правозащитные идеи ООН в своих основаниях *были продуктом компромисса* таких противоречивых интеллектуальных течений и внутригосударственных практик» [20, с. 48]. Тем не менее консенсус был однозначно достигнут, поскольку, несмотря на все различия, народы были прочно *объединены пониманием* того, что права человека должны стать новым универсальным инструментом защиты от повторения описанных злодеяний. Это понимание (идея) и есть критерий универсальности, не требующий схоластических доказательств, поскольку он доказан самой историей. Права человека стали не случайной, а намеренной реакцией на изуверские практики гитлеровского государства, а значит, *мы имеем дело с причинно-следственным отношением*, которое поддается вполне ясному толкованию.

В. Д. Зорькин также подчеркивает, что концепция ВДПЧ неотделима от исторической обстановки ее принятия – она стала *ответом на фашизм*, «который перечеркнул не только все основы прав человека, но и Человека как такового вообще» [8, с. 3]. Этот вывод и его актуальность для всех культур и идеологий подтверждается обсуждениями Третьего комитета Генассамблеи ООН перед принятием Декларации³. При голосовании в Генеральной Ассамблее ООН 10 декабря 1948 г. Декларация была поддержана абсолютным большинством, при этом ни одно государство не выступило против (что важно с точки зрения последующего формирования общего международного права). Благодаря активному участию советского юриста-международника В. М. Корецкого в работе Комиссии ООН по правам человека статья 1 ВДПЧ была скорректирована (его заслугой являются слова «все люди рождаются равными»⁴). Критика же предлагавшихся в ВДПЧ решений была идеологически окрашена и связана не с отрицанием вышеназванной *концепции*, а скорее направлена на достижение политических целей среди внутригосударственной публики и политически неподкованных «новых» наций. Весьма примечательно, что А. Я. Вышинский, критикуя только предложенную *редакцию* текста ВДПЧ, требовал вовсе *не отмены идеи* принятия универсального акта о правах человека, а создания *реально действующего права и конкретных обязательств* («статьи» вместо «абстрактной сентенции»); настаивал на необходимости «реальных мероприятий, которые были бы способны содействовать осуществлению *провозглашенных в этом проекте основных свобод и прав человека*»; хотел, чтобы они стали настоящим «знаменем нашей Организации в весьма и исключительно, я бы сказал, важном вопросе о правах человека»⁵.

¹ Официальный сайт ООН. URL: <https://www.ohchr.org/en/what-are-human-rights/international-bill-human-rights>

² Официальный текст на сайте ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights>

³ Summary Record of the 91th Session of the Third Committee of the UN General Assembly. A/C.3/S.R. 91.

⁴ Официальный сайт ООН. URL: <https://news.un.org/ru/audio/2013/12/1020811>

⁵ Там же.

На самом деле можно сказать, что никаких «абстрактных прав» в Декларации не было и нет. Статья 1 Декларации закрепила, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Статьей 6 Декларации было окончательно зафиксировано, что каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности. В сопоставлении с ранее исследованными практиками отказа отдельным людям и целым социальным группам в правовой субъектности на разных этапах истории данное требование представляет собой вполне четкую и очевидную норму права. Не предполагая ни прямых, ни имплицитных исключений из данного правила, оно приобрело постепенно характер *jus cogens*. Множество положений Декларации вовсе диктуют весьма точные притязания, на которое может претендовать каждый человек: например, пункты 1 и 2 статьи 11, пункты 1 и 2 статьи 13, статья 16 и др.

С учетом популярных в наше время упрощенных нарративов «критической теории» о том, что существующая сегодня (послевоенная) система международного права и концепция прав человека изначально стала исключительно навязыванием «западного» мышления [23, с. 5–6, 9, 12–15], следует еще раз заострить внимание на том, что на самом деле крайне важную роль в разработке Устава ООН и ключевых международных инструментов в сфере прав человека сыграли **представители «незападного» мира**. М. А. Лихачев прекрасно продемонстрировал очевидность факта, что «положения [ВДПЧ] явились результатом работы последователей различных культур и правовых традиций» [20, с. 49]. Помимо уже приведенных обстоятельств, это подтверждается детальной хроникой ее принятия. Показательно, что представитель Китая в ООН выразил позицию своего государства в следующей логике: если Устав ООН возлагает на государства – члены организации общее обязательство по соблюдению прав человека, то Декларация «заявляет эти права отчетливо...» [47, р. 50]. Эту позицию полностью поддержали Филиппины. Китайская делегация также выразила чувство удовлетворения от того, что ее предложения помогли составить Декларацию в представленной форме – ясной и относительно краткой. Представитель Чили вовсе заявлял, что «нарушение любым государством перечисленных в Декларации прав означало бы нарушение принципов Объединённых Наций», и отдельно отметил, что «делегация Чили с самого начала принимала участие в разработке проекта декларации; она в основном разделяет точку

зрения других латиноамериканских делегаций, так как воспитана в тех же традициях, и поэтому придерживается той же концепции в отношении прав и обязанностей человека»¹, сделав при этом акцент на множестве согласительных процедур, проведенных по отдельным формулировкам. Из числа представителей исламского мира посланник Египта указал, что Декларация является инструментом «официального (авторитетного) толкования Устава ООН»² [40, pp. 215–216], и он был поддержан делегатами от Сирии («предложение принять декларацию не является беспрецедентным, так как вся история человечества – это история борьбы за свободу») и Пакистана. Представитель Ливана, в самых трепетных формулировках поддерживая проект декларации, заявил, что отраженным в ней принципам Ливан вообще обязан своим существованием (имелись в виду, очевидно, принципы свободы и самоопределения) [48, р. 771]. Особый вклад социалистического блока, Китая и Глобального Юга в разработку отдельных положений ВДПЧ стал неоспоримым достоянием истории прав человека [46, pp. 72–73]. Саудовская Аравия, выразив мнение о влиянии на проект ВДПЧ западных образцов культуры, отметила, однако, что это не означает противоречия декларации культуре восточных государств. Примечательно, что обязанность государства гарантировать основные личные права, закрепленные в ВДПЧ, была констатирована в 1990 году самими исламскими государствами в Каирской декларации прав человека (право на жизнь, физическую неприкосновенность, запрет пыток или унижения в какой бы то ни было форме, защита от произвольного ареста и т. д.). И это не удивительно, если учесть, что еще в XII веке в одном из самых авторитетных трудов по исламскому праву «Аль-Хидая» выдвинута идея о необходимости соблюдения прав каждого человека³.

Тезисы об имманентной свойственности современных прав человека культуре западных государств и об их навязывании только незападному миру выглядят не убедительно еще и на фоне того, что в действительности именно Великобритания и США (в официальном качестве, чего нельзя сказать о науке и обществе) были всегда активными приверженцами *доктрины внутренней юрисдикции*, стремясь сократить возможности международного надзора за режимом прав человека [48, р. 30]⁴. Как заметил Дж. Рехман, они – вместе с СССР – не поддержали предложение Китая установить принцип «равенства всех государств и рас» как начальный принцип ООН [48, р. 30]. Также ненаучны и шаблонны отвлеченные утверждения о

¹ Summary Record of the 91th Session of the Third Committee of the UN General Assembly. A/C.3/S.R. 91.

² UN Doc. A/C.3/SR 92 at 12.

³ См. анализ послания Президента Республики Узбекистан участникам Азиатского форума по правам человека, проведенный академиком А. Саидовым. URL: <https://asianforum.uz/ru/news/the-asian-forum-on-human-rights-has-become-an-innovation-in-world-practice-on-human-rights>

⁴ США стали участником Опционального Протокола к МПГПП только в начале 1990-х вместе с РФ. Доктрина супрематии Парламента в Великобритании до сих пор рассматривает международные права человека главным образом через призму Human Rights Act.

монолитности «коллективного запада» в вопросах международного права и прав человека: скажем, позиции представителей Франции и Канады (Р. Кассен и Дж. Хамфри), сыгравшие ведущую роль в проектировании ВДПЧ, были диаметрально противоположны указанным взглядам Великобритании и США. Более взвешенные оценки давались даже в советских учебниках сталинского периода: отмечалась партикулярность подходов англо-американских и континентальных государств по целому ряду вопросов международного права [24, с. 8–9]. Таким образом, во многом не благодаря, а вопреки некоторым усилиям этих стран ряд норм, закрепленных в ВДПЧ изначально в качестве инструмента «мягкого права», к настоящему времени приобрели характер *jus cogens* [48, р. 82].

В дальнейшем *добровольными* участниками Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП), Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП), Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания стали более 170 из всех 193 государств – членов ООН, включая Россию (правопреемница СССР), США, Великобританию, Францию и Китай (постоянные члены Совбеза ООН)¹. Следовательно, на сегодняшний день имеются достаточные основания утверждать, что заложенная в указанные международные акты *концепция* (общий принцип, идея) приобрела черты *универсальности* и общепризнанности. Что касается африканских обществ, о «навязывании» которым «западной» концепции прав человека при помощи международного права говорит «критическая школа», интересно заметить, что при вступлении в ООН практически все представители новообразованных наций Африки (что в принципе стало возможно именно благодаря праву на самоопределение, впервые закрепленному в международных актах о правах человека) весьма охотно и показательно принимали на себя соответствующие обязательства, выражали приверженность ценностям Организации, не заявляя при этом никаких сомнений о сообразности их культуре и традициям соответствующих прав и возможности международного контроля за их соблюдением. Интересно рассмотреть это на таком контрасте: одна из первых в истории инициатив защиты прав личности «через голову» государства посредством Лиги Наций была заблокирована в 1933 году представителями... нацистской Германии – со ссылками на «исключительную компетенцию государства решать вопросы правового статуса своих граждан» [11, с. 32].

Развивая современную концепцию прав человека, именно *страны социалистического блока* стали настоящим форвардом разработки одного из трех элементов Международного билля о правах – Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, предполагающего точно такой же *универсальный подход*, как и другие элементы Билля (отличаясь предметом – обеспечением достойного уровня жизни людей и наложением корреспондирующих обязанностей на государства). «Напомню, – пишет В. Д. Зорькин, – что включение во Всеобщую декларацию прав человека ряда социально-экономических прав... было осуществлено под давлением Советского Союза, который *руководствовался при этом Уставом ООН*» [7, с. 91]. И если современным правоведам справедливо «очень жаль», что об этих фактах сегодня «практически никто не говорит» [15, с. 24]², то придется одновременно признать и тот факт, что «незападные страны», включая СССР, тем самым вполне осознанно присоединились к общей идее о наличии некоторых основополагающих элементов правового статуса личности, *выходящих за рамки текущего усмотрения государственных органов* и по самой своей природе *предполагающих механизм международного мониторинга*. Несмотря на то что нормативный объем отдельных положений и определение конкретных мер, необходимых для их реализации, нередко становились предметом международной дискуссии, базовая *концептуальная направленность* этих документов никем из государств не отрицается.

На фоне всего изложенного трудно согласиться с весьма утрированными выводами о том, что, «принимая во внимание различие цивилизационных общностей <...> одинакового понимания прав человека нет и быть не может. Его можно лишь навязать всеми способами, что мы и наблюдаем сегодня» [15, с. 14]. После присоединения абсолютного большинства государств, включая всех членов Совбеза ООН, к Конвенции против пыток, пока еще ни одной стране или «цивилизационной общности» не пришло на ум заявить официально, что пытки – это норма или часть ее «культурного кода», а запрет пыток – это всего лишь либеральная фикция.

Можно было бы сказать, что описанный период разработки ключевых международных инструментов в сфере прав человека был эпохой эмоционального воодушевления и не отражал реальных намерений государств или практических трендов. Однако именно дальнейшая практика реализации этих инструментов окончательно разрушает ходячие

¹ В отношении разных документов ситуация с ратификацией варьируется. Россия, Великобритания и Франция являются полными участниками всех названных договоров. Участниками Конвенции против пыток являются все постоянные члены СБ ООН.

² Что, кстати, как ни парадоксально, не совсем справедливо именно в отношении западной литературы. См., например, соответствующие части одних из самых авторитетных работ в данной области [48]. Алстон и Гудман оценивают даже создание Международной организации труда в первой половине XX века как вынужденный «ответ» западных стран на набиравшие тогда популярность идеологии большевизма и социализма [39, р. 279].

стереотипы о правах как инструменте исключительно «западного навязывания» чего-либо «незападному миру». С точки зрения критериев научного знания весьма сомнительны популярные в последнее время попытки ввести юристов в заблуждение при помощи утверждений о том, что международные правозащитные инструменты применяются только к некоторым «незападным» государствам как средство продвижения политики «коллективного запада». Со времени принятия названных инструментов сложилась обширная практика международных органов, *осуждающая нарушения прав человека именно «западными» государствами*. Упомянем лишь некоторые показательные примеры: бескомпромиссная критика Комитетом по правам человека ООН (далее – КПЧ), Комитетом против пыток, Межамериканской комиссией по правам человека политики США в рамках так называемой «войны против терроризма» (см. раздел 3 далее); признание ареста С. Хуссейна незаконным и произвольным Рабочей группой по произвольным задержаниям (Opinion № 31/2006 (Iraq and United States of America)); признание нарушения Канадой права не быть высланным в США при угрозе пыток (позиция КПЧ по делу *Chitat Ng v. Canada* 1994 г.), нарушения Испанией права на свободу и личную неприкосновенность отказом выпуска под залог (позиция КПЧ по делу *Hill v. Spain* 1997 г.), недавнего нарушения Францией свободы совести и религии непропорциональным ограничением возможности ношения никабов, что особо примечательно на фоне нарративов о «западных культурных образцах» (позиция КПЧ по делу *Yaker v. France* 2018 г.). Сам за себя говорит пример Европейского Суда по правам человека, который изначально создавался и долгое время работал для выявления нарушений прав человека именно и *исключительно* «западными» странами.

С учетом всего изложенного нельзя не согласиться с выводом М. А. Лихачева: «Все же оценка Международного билля о правах человека в качестве документа, огульно отражающего “западные либеральные ценности индивидуализма” и игнорирующего взгляды незападных обществ, – недобросовестное упрощение» [20, с. 50]. Упрощение это не только теоретическое, но и практическое, ведь возникает вопрос: в чем больше потенциальной пользы – в продиктованной заблуждениями попытке придумать и продвинуть собственные права человека, неизвестные мировой истории права, или же в поддержке универсальной концепции прав человека, которая впервые в истории официально обратила взор на человека вне государственных границ, поставив под вопрос в том числе практики самих «западных» государств?

Подводя итог, укажем, что суть принципиально новой *универсальной* концепции прав человека на фоне сказанного лучше всего передадут слова В. Д. Зорькина, который четко подметил, что «идеалы и принципы Всеобщей декларации прав человека изменили характер международных отношений и наполнили содержанием стремление человечества к свободе и к достоинству. Человечество далеко продвинулось по пути, предначертанному Декларацией» [8, с. 4]. Исходя из описанных предпосылок и имея в виду наличие международного консенсуса по базовому каталогу фундаментальных прав, государства неоднократно выражали приверженность современной концепции и ее формуле: «*Права человека носят универсальный, неделимый, взаимосвязанный, взаимозависимый и взаимодополняющий характер* <...> ко всем правам человека надо подходить справедливо и одинаково, с одних и тех же позиций и с равным вниманием»¹. Любые стратегии интерпретации прав человека, закрепленных в названных международных инструментах, не могут игнорировать эту базовую концепцию и должны учитывать смысловую закономерность эволюционного развития, пройденного на пути к ней.

2. Развитие современной концепции статуса личности в практике Конституционного Суда Российской Федерации

Конституция Российской Федерации не просто восприняла современную концепцию прав человека и гражданина, но шагнула еще дальше перечисленных актов, принятых в послевоенное время, и воплотила собой один из наиболее прогрессивных и эффективных подходов к защите основных прав и свобод. Благодаря богатой практике конституционного правосудия этот подход продолжил развиваться и сформировал надежный базис правового статуса личности. Анализ российской конституционной парадигмы, проведенный В. Д. Зорькиным, максимально точно резонирует с описанными ранее результатами парадигмальной эволюции правового статуса личности. Подчеркивая значение жертвы, принесенной во имя мира во Второй мировой войне, В. Д. Зорькин объясняет, что «Конституция России целиком и полностью находится в русле этой общемировой тенденции, поскольку в ее основе лежит принцип приоритета прирожденных и неотчуждаемых прав человека» [7, с. 91]. Более того, «текст Конституции предопределяет выбор в пользу *человекоцентристской доктрины правопонимания*». Эта доктрина, как объясняет Председатель Конституционного Суда, основывается, «наперекор господствовавшей ранее легистской доктрине» (системоцентристской), на «неоктроированном, безусловном и первичном по отношению к действующему

¹ В частности, эта формула выражена в Венской декларации и Программе действий (принята на Всемирной конференции по правам человека 25 июня 1993 г.) и подтверждена в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 60/251 от 15 марта 2006 г., которой учрежден Совет по правам человека ООН [48, pp. 10, 52].

законодательству характере прав человека» [7, с. 69]. Исходя из этого данная парадигма различает право и закон, отдавая верховенство именно *правовому закону*, поскольку «политическая власть не может навязать все, что захочет» [7, с. 72]. С учетом всего, что было рассмотрено в разделе 1.3, и на фоне указанных объяснений В. Д. Зорькина вызывают недоумение выводы о том, что воспринятая в Конституции модель прав человека «не являлась результатом исторического развития России и формирования в ее социокультурной среде норм и ценностей» [30, с. 158].

В России *принципы правового статуса* человека и гражданина являются конституционными принципами, поскольку следуют напрямую из положений Конституции и, как указал Конституционный Суд, сопоставимы с основами конституционного строя¹ (некоторые сами по себе являются таковыми – например, высшая ценность прав и свобод, закрепленная в ст. 2 Конституции, или единое и равное гражданство, закрепленное в ст. 6 Конституции, и т. д.).

Обобщение практики конституционного правосудия позволяет выделить целый ряд принципов, выведенных из конституционных положений и наполненных нормативным содержанием в качестве характеризующих правовой статус человека и гражданина:

- 1) высшая ценность прав и свобод человека;
- 2) единое и равное гражданство Российской Федерации;
- 3) признание и гарантирование прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией;
- 4) неотчуждаемость основных прав и свобод человека и их принадлежность каждому от рождения;
- 5) недопустимость нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении прав и свобод человека и гражданина;
- 6) непосредственное действие прав и свобод человека и гражданина;
- 7) обусловленность правами и свободами человека и гражданина смысла, содержания и применения законов, деятельности законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления;
- 8) обеспеченность прав и свобод человека и гражданина правосудием;
- 9) равенство всех перед законом и судом;
- 10) равенство прав и свобод мужчин и женщин и равенство возможностей для их реализации;
- 11) допустимость ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в конституционно одобряемых целях;
- 12) принцип уважения достоинства личности².

Ряд перечисленных принципов *являются содержательным продолжением современной концепции прав человека*. Высшая ценность человека и его прав, их неотъемлемость и непосредственное действие и целеполагающая направленность деятельности государственных органов на реализацию этих прав безоговорочно утверждают любого человека в качестве *субъекта* перед лицом закона и государства. Вкупе с принципом уважения достоинства личности соответствующие конституционные нормы означают, что ни государству, ни какой-либо организации или группе лиц не позволено при принятии властных или публично-значимых решений, затрагивающих права человека, относиться к конкретным людям в качестве *объекта* своей деятельности. Человек всегда является субъектом, наделенным разумом и разделяющим общее человеческое достоинство, чьи интересы и способность к осмысленным действиям должны учитываться при принятии касающихся его решений. Это является прямым следствием описанной ранее эволюции парадигмы отношений между государством и личностью, которая характеризуется меткими словами В. М. Гессена: «В абсолютном государстве индивид – объект власти; в государстве конституционном – субъект прав» [3, с. 193]. В современной публично-правовой плоскости это означает, что законодатель и органы публичной власти при осуществлении конституционных полномочий обязаны рассматривать людей не в качестве объектов регулирования или винтиков системы управления (наравне с вещами, деньгами, экономическими проектами и т. п.), а в качестве разумных субъектов права, взаимодействие которых порождает общественные отношения и которые способны руководить своим поведением исходя из установленных правил и общих требований заботы и осмотрительности.

Конституционный Суд подтвердил указанный принцип, указав, что поскольку по смыслу статей 21 (ч. 1) и 45 (ч. 2) Конституции в сфере любых правоотношений личность выступает не как объект государственной деятельности, а как полноправный субъект, который может защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов, гарантии судебной защиты должны быть достаточными для того, чтобы обеспечить конституционным правам и свободам эффективное и реальное действие, а суды при рассмотрении дел обязаны исследовать фактические обстоятельства по существу, не ограничиваясь установлением формальных условий применения нормы³.

¹ К примеру, постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 марта 2008 г. № 5-П, от 2 дек. 2013 г. № 26-П и др.

² Единственный принцип из перечисленных, который имплицитно выводится из конституционного текста, но, несмотря на это, нашедший один из наиболее принципиальных откликов в практике КС РФ.

³ К примеру, постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 3 мая 1995 г. № 4-П, от 2 июля 1998 г. № 20-П, от 20 апр. 2006 г. № 4-П, от 22 апр. 2011 г. № 5-П, от 22 апр. 2013 г. № 8-П, от 27 окт. 2015 г. № 28-П, от 11 июля 2017 г. № 20-П и др.

Равенство и равноправие, выступая наряду с предыдущими принципами ядром современной концепции прав человека и гражданина, оставили заметный отпечаток на глобальной конструкции общества и системе публичного права как таковой. Благодаря им под запретом оказалась ранее официально признаваемая множеством государств социальная стратификация, которая влияла на объем и содержание прав лиц в зависимости от их принадлежности к определенной страте (касте, сословию, классу и т. п.). Всеобщее равенство нередко считается юридическим воплощением принципа справедливости, поскольку предполагает, что в одинаковых ситуациях при прочих равных условиях люди должны обладать равными правами и средствами защиты, к ним должны применяться одинаковые правила и одинаковое отношение. Недопустимо обосновывать отступление от этого подхода ссылками на мотивы, противоречащие общим для всех людей характеристикам, приобретаемым каждым от самой природы при рождении. Равенство необходимо рассматривать в двух аспектах – материальном и процессуальном. Первый касается *равенства прав*, их объема и содержания (равноправие), тогда как второй относится к равенству лиц перед органами государства – *гарантии равного отношения* со стороны последних (к примеру, равенство перед законом и судом).

Принцип равенства лучше всего раскрывается через обращение к его гарантии – запрету дискриминации – без которой он не нашел бы воплощения в материальном мире. Частью 2 статьи 19 Конституции установлена обязанность государства гарантировать равенство прав и свобод независимо от каких-либо признаков (социального статуса, экономического положения, личных предпочтений и других обстоятельств). При этом Конституционный Суд неоднократно подчеркивал, что Конституция не ограничивает перечень признаков, по которым исключается дискриминация граждан, а, напротив, предполагает его дальнейшую конкретизацию в правоприменительной практике¹.

Принцип равенства, как показал В. Д. Зорькин, входит в сущностное ядро Конституции, развиваясь посредством максимы «равенство в свободе» не только во всех последующих нормах о правах человека, но и в правовой системе в целом [7, с. 68–77]. Отсылая к либертарно-юридическому подходу, такое понимание Конституции находится в согласии с тремя ранее рассмотренными элементами современной концепции прав человека.

Еще одним системообразующим элементом современного конституционного правопорядка является *принцип прямого действия прав человека*.

Составляя одну из основ конституционного строя России и вытекая из части 1 статьи 15 Конституции Российской Федерации, принцип ее прямого действия равным образом распространяется на закрепленные в главе 2 положения о правах человека и гражданина. Статья 18 Конституции прямо указывает на то, что права и свободы являются непосредственно действующими. Этот принцип имеет особое значение в сегодняшней системе публичного права, поскольку он отменил советский подход к формальной роли конституции в качестве декларативного стратегического (или идеолого-пропагандистского) документа и привел к пересмотру концепции «зависимых прав». В отличие от модели опосредованного действия конституции, требовавшего принятия законодательных и других нормативных актов (то есть одобрения государственных органов) для реализации конституционных прав, Конституция России исходит из принципа прямого действия закрепленных в ней основных прав. Помимо прочего, именно это позволяет Конституционному Суду по жалобам граждан признавать неконституционными акты законодателя, нарушающие конституционные права. Отказ от концепции «зависимых прав» отразился, помимо этого, на организации главного надзорного и правоохранительного ведомства России: надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина стал самостоятельной отраслью прокурорского надзора, отдельной от надзора за исполнением законов (гл. 2 разд. III Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). Конституционный Суд не раз указывал на принципиальную возможность непосредственного применения конституционных норм о правах человека и гражданина правоприменительными органами². Пленум Верховного Суда РФ также разъяснил судам их обязанность обеспечить надлежащую защиту прав и свобод человека и гражданина путем своевременного и правильного рассмотрения дел исходя из того, что конституционные нормы имеют верховенство над законами и иными нормативными правовыми актами, а конституционные права и свободы определяют их смысл и деятельность государственных органов³. На практике это означает, в самом наглядном виде, например, что человек не может быть задержан или иным образом лишен свободы без решения суда более чем на 48 часов (ч. 2 ст. 22 Конституции РФ) или может не свидетельствовать против себя и своих близких родственников (ч. 1 ст. 51 Конституции РФ), при этом для реализации этих прав не требуется принятие федерального закона, если самой Конституцией это не предусмотрено.

¹ К примеру, постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февр. 1992 г. № 2-П-3, от 23 мая 1995 г. № 6-П, от 23 дек. 1999 г. № 18-П, от 19 февр. 2002 г. № 5-П, от 16 марта 2017 г. № 7-П.

² См., например, в отношении права на судебную защиту – Постановление от 12 марта 2001 г. № 4-П.

³ Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 окт. 1995 г. № 8, от 24 дек. 1993 г. № 13.

Особого внимания заслуживает принцип пропорциональности (соразмерности) ограничения прав человека, являющийся закономерным итогом описанного в разделе 1 процесса рационализации государственной власти. С принятием Международного билля о правах и демократических конституций вопрос об ограничении прав вовсе не исчез и, более того, не стал проще (можно сказать, наоборот). Но в отличие от предшествующих многовековых государственных формаций, в современном мире не предполагается возможность произвольного и неограниченного вмешательства государства в основные права и свободы. Тем не менее права возможны только благодаря общественному порядку, а он – только благодаря согласованию взаимных прав, наличию взаимных обязанностей, установлению границ дозволенного или, словами либертарно-юридической теории, меры «равенства в свободе» (следовательно, ограничения прав). Поэтому связанность самой концепции прав человека с понятием демократического общества предполагает не только возможность государства ограничивать права для поддержания этой системы, но и необходимость этого, а также определенную долю властного усмотрения в том, где, когда и в какой степени необходимы такие ограничения¹. И положения ВДПЧ (ст. 29), и положения МПГПП (п. 3 ст. 13, п. 3 ст. 18, п. 3 ст. 19 и др.) предусматривают возможность ограничения основных прав и свобод, но при соблюдении *двух условий, отличающих ограничение от произвола*: только законом и исключительно с целью обеспечения прав и свобод других лиц или удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка, здоровья и безопасности. Правило, в соответствии с которым законы, ограничивающие права и свободы, должны соответствовать названным критериям, приобрело нормативное воплощение в принципах пропорциональности (соразмерности) [18] и баланса частных и публичных интересов.

Конституция Российской Федерации отчетливо закрепила принцип пропорциональности в части 3 статьи 55. Конституционный Суд неоднократно подчеркивал, что принцип соразмерности, выражая обращенное к публичной власти и имеющее своей целью защиту основных прав и свобод требование при установлении их ограничений соблюдать *разумное соотношение между используемыми средствами и поставленной целью*, обусловлен особым, неотчуждаемым характером конституционных прав и свобод, *по своему составу и объему во многом совпадающих с международно признанными основными*

*правами и свободами*². При допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство, обеспечивая конституционно защищаемые ценности и интересы, должно использовать *не чрезмерные, а только необходимые* и строго обусловленные этими целями меры³. Вмешательство государства не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав⁴. При этом важным продолжением современной концепции прав человека является проведение строгого различия между ограничением прав и их умалением, которое, в отличие от первого, запрещено частью 2 статьи 55 Конституции РФ. *Умаление прав и свобод* – это осуществление такого регулирования, которое посягает на само существо того или иного права и способно привести к утрате его реального содержания, даже если конституционные нормы позволяют установить ограничения закрепляемых ими прав.

Таким образом, заложенные в Конституцию России и развитые конституционной юстицией принципиальные основы статуса личности когерентны современной концепции прав человека и обладают большим потенциалом для укрепления правовой государственности исходя из целеполагания основных прав в качестве регулятора властной дискреции.

3. Каталог прав человека с точки зрения современной концепции статуса личности: status quo и актуальные вызовы

Обширная система и выверенное содержание норм о правах человека, отраженные в Конституции Российской Федерации 1993 года, обусловлены во многом ее относительной «молодостью», а также историческим моментом принятия и разработки. В отличие от многих государств, у постсоветской России имелась возможность вести бурный экспертный поиск новой конституционной парадигмы на фоне уже многовекового наследия всеобщей истории развития государства и прав человека. Материалами Конституционного совещания [14] и свидетельствами принимавших в нем участие правоведов [12] подтверждается, что окончательный текст Конституции стал результатом тщательного осмысления накопленного к тому времени опыта регулирования прав и свобод, в том числе поиска приемлемой модели его адаптации с учетом необходимости отражения национальных особенностей развития общества и госу-

¹ Поскольку социальная специфика каждого общества часто означает невозможность обеспечения одних и тех же прав везде и всегда одинаковыми средствами.

² П. 1.5 Информации КС РФ «Методологические аспекты конституционного контроля».

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 окт. 2003 г. № 15-П.

⁴ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31 янв. 2011 г. № 1-П, от 21 окт. 2014 г. № 25-П и от 10 дек. 2014 г. № 31-П.

дарства (отечественной конституционной идентичности). Чрезмерное упрощение этих реально происходивших процессов, равно как их умалчивание или предпочтение игнорировать, приводят к формированию однобоких шаблонов, далеких от критерия научности, как и любая стереотипизация, – точно так же, как это было описано ранее в отношении истории создания Международного билля о правах. Как объясняет А. И. Ковлер с учетом анализа конституционных реформ, проведенного Т. Я. Хабриевой, наша Конституция «может войти в учебники как яркий образец удержания всего положительного, рационального, эффективного, что наработано опытом конституционных реформ в современном мире» [12, с. 9]. Более того, с учетом состоявшегося ранее обсуждения примечательны слова В. Д. Зорькина о том, что содержание, пути реализации и механизм защиты прав человека, закрепленные в Конституции России, вытекают из положений ВДПЧ, тогда как 40 конкретных прав и свобод восприняты ею из Международного билля о правах [8, с. 4]. Вопреки нередко встречающемуся в последнее время недопониманию, статьей 79 Конституции РФ и постановлением КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П признается возможность в строго определенных обстоятельствах и пределах не исполнять *решения межгосударственных органов* о толковании международных договоров, но никоим образом не затрагиваются вопросы действия и статуса соответствующих *норм международного права*.

Поэтому не удивительно, что в Конституции были закреплены все три так называемых поколения прав и свобод. Более того, благодаря обширно развивавшейся в послевоенное время практике государств в сфере прав человека постепенно формировались *нормы общего международного права* и общепризнанные принципы, в том числе приобретавшие императивный характер, которые также нашли отражение в нашей Конституции. Закрепленный в ней каталог конституционных прав является одним из самых богатых и развитых во всем мире. Хотя это предмет отдельного исследования, для объективности требуется уточнить, что современная концепция прав и свобод *неотделима от обязанностей*, которые человек несет перед обществом с целью поддержания порядка, в рамках которого только и могут свободно реализовываться сами эти права (порядок – залог соблюдения прав). Таким образом, **система прав, свобод и обязанностей**, *закрепленная в Конституции и международном праве, состоит из следующих основных элементов: (1) права и свободы, являющиеся нормами jus cogens; (2) права и свободы первого поколения (личные, гражданские и политические); (3) права и свободы второго поколения (экономические, социальные и культурные); (4) права и свободы третьего поколения (групповые и коллективные права); (5) конституционные обязанности.*

Цели настоящего исследования не предполагают рассмотрения всех входящих в названные группы положений о правах человека. Необходимо только проверить, как выявленный в предыдущих разделах статьи содержательный **критерий универсальности** (современная концепция прав человека) может помочь **в вопросе их адекватной интерпретации**. Как было сказано во введении статьи, реальными вызовами современности по отношению к традиционному институту прав человека, как он был описан в «*статусе кво*» в разделе 1, являются две крайности их интерпретации, стремящиеся приписать правам человека принципиально новые смыслы в соответствии с теми или иными субъективными предпочтениями.

Конечно, невозможно отрицать, что права человека *не являются застывшей сущностью и должны соответствовать условиям развивающегося общества*. Обратное противоречило бы самой идее этого института, предназначенного, как было показано, «на будущее»: если они должны выступать сдерживающим механизмом для предотвращения недопустимых властных практик, то им придется адаптироваться к новым реалиям, которые возникают *из-за развития самих этих практик*. Здесь справедлива формула: новые властные технологии объективно – рано или поздно – потребуют адаптивной интерпретации прав, чтобы они могли продолжать выполнять свою изначальную функцию. Жесткая и сугубо формальная привязка их к практикам, существовавшим больше 70 лет назад (ригидный оригинализм), означала бы постепенную утрату ими своей эффективности по мере отмирания или видоизменения используемых государствами методов и средств, а следовательно, и невозможность достижения поставленной для них цели. К примеру, со времени принятия Международного билля о правах произошла настоящая технологическая революция в средствах массовой информации, связи и коммуникации, повлекшая закономерное развитие соответствующих общественных практик и государственного регулирования этого сектора. Если бы гарантии соответствующих прав (свобода мысли, слова и выражения, неприкосновенность частной жизни) остались «на месте» без адаптации к новым практикам, то это означало бы попросту их отмену *de facto*, поскольку сегодня ни обмен письмами, ни телеграфы уже практически не применяются, а газеты с каждым годом уступают интернету и без того уже не столь значительное влияние.

Вместе с тем эволютивное развитие прав тоже не должно быть произвольным (вспомним Канта – см. раздел 1.2). Разумно предположить, что правовые нормы могут меняться, иногда кардинально, в

том числе путем их толкования¹ – вслед за развитием самого общества, если факт последнего настолько очевиден, что не вызывает непримиримых противоречий среди составляющих элементов этого общества (принцип консенсуса)². Как определить эту неоспоримость и наличие консенсуса? Конечно, это может быть процедура принятия поправок к инструментам международного договорного права в сфере прав человека. Однако она затратна по времени и ресурсам, что существенно, тем более если указанный факт столь очевиден и без этого. Кроме того, данная процедура не является панацеей (например, нормы ВДПЧ, вошедшие в корпус общего международного права, не могут быть изменены в таком порядке). Поэтому для определения консенсуса при применении методов толкования необходим другой инструмент, гарантирующий отсутствие существенных противоречий. Речь здесь не о попытке примирить «либералов» и «постлибералов» (есть сомнения вообще в возможности какого-то консенсуса между ними) и даже не о согласии всех членов Совета Безопасности ООН (полномочия не предполагают формирование международного права). В международном праве есть другая устойчивая конструкция, как видится, больше других подходящая для этих целей – «главнейшие формы цивилизации и основные правовые системы мира» (*main forms of civilization and principal legal systems*), при помощи которой в том числе определяются нормы общего международного права. К таким формам принято обычно относить западную, славянскую (восточно-европейскую), азиатскую, африканскую, латиноамериканскую, а к таким системам – романо-германскую, общего права, религиозного и обычного права. Логично предположить, что если практика ни одной из этих форм (систем) не противоречит предложенной интерпретации нормы (причем практика в системном, официальном масштабе, а не отдельные «выгодные» кейсы), то можно говорить о наличии эмпирического консенсуса. Дальнейшее слово – за эмпирическим правовым исследованием этой репрезентативной практики.

В любом случае такие изменения при помощи толкования не могут посягать на базовое смысловое ядро (концепцию) прав человека, как она была отражена в разделе 1, иначе можно было бы вновь повторить непростительные ошибки прошлого, когда фашистские методики оправдывались лозунгами о бурном социальном развитии и правах человека³. При возникновении серьезных противоречий между сторонниками разных моделей интерпретации прав (например, либеральное и постлиберальное направления) необходимо возвращаться к указанным концептуальным истокам и помнить, что в любом случае права должны соответствовать заданному при их создании исторически и фактологически обусловленному идейно-смысловому вектору. По сути, речь об амальгаме телеологического (проблемно-целеполагающего) и исторического методов толкования, которые хорошо известны и эффективны именно в отношении норм, составленных когда-то многими народами и трудно поддающихся прямому реформированию. Согласно этому методу необходимо «заглянуть за [внешнюю сторону] текста в поиске решения для проблемы, которая не могла предполагаться его составителями», но это решение в итоге должно достигнуть общую правовую цель, которая, безусловно, имелась у составителей и была достаточно четко артикулирована («в русле ясного – исторического – намерения государств») [49]. Сторонникам разных подходов, если они действительно привержены идее прав человека, следует в таких случаях проявлять сдержанность по принципу *in dubio mitius*, чтобы не поставить под угрозу само их существование в результате размывания оригинального содержания и правозащитного потенциала между крайностями идеологического прогресса (или регресса). На кону вопрос онтологический: не слишком ли высока цена за эти кардинальные «улучшения», если вызывающие их противоречия ведут к демонтажу системы прав, построенной человечеством за бесprecedентную цену.

С учетом сказанного закономерным становится **заключительный вопрос** настоящей статьи – практический: как «читать» права в аспекте выявленного

¹ Следует иметь в виду, что «меняться» здесь означает расширение охвата прав и их гарантий. Ни о каком изменении в смысле сужения уже имеющейся сферы прав или уменьшения их гарантий не может быть речи, поскольку это, во-первых, означало бы не изменение, а отказ от прав (которые в «статусе кво» представляют собой минимальный стандарт антифашизма) и, во-вторых, реализуется при необходимости не посредством эволютивного толкования, а посредством установленных механизмов ограничения прав.

² Так было, например, когда в 1992 г. при решении дела *R v. R [1991] UKHL 12* Палата лордов, проанализировав прецедентный опыт и абсолютно очевидное изменение социальной реальности, отказалась применять действовавшую с незапамятных времен норму, позволявшую оправдать мужа за изнасилование жены (*marital rape exemption*), указав, что они вынуждены констатировать закон сообщества (в том числе существенно расширить защиту прав женщин) сами из-за длительного молчания законодателя. Авторитетным признанием не-произвольности (предсказуемости) этого решения стали выводы Европейского Суда по правам человека, известного своей принципиальной позицией в отношении принципа *nullum crimen sine lege*, который отверг доводы об узурпации законодательной власти в постановлениях по делам *SW and CR v. UK*, указав, что решение лордов является отражением «естественной предсказуемой эволюции права» (*natural foreseeable evolution of law*).

³ «Утвердить идеи справедливости и равенства человечество стремилось издревле. Ценность и притягательность этих идей неистребима, поэтому даже самые бесчеловечные режимы пытались апеллировать к ним, т. е. фактически выступали под чужим именем, пытаясь скрыть свою антиправовую сущность» [7, с. 73].

устойчивого критерия универсальности, который по сей день может быть надежно использован независимо от культурно-релятивистских противоречий (если не отрицается пагубность фашизма). Для этого может быть применен распространенный сегодня *кейс-метод* (казуальная аналогия). Если мы не готовы рассматривать права как абстракцию с вольным толкованием (концепции естественного права и правового позитивизма), то можно действовать по принципу «то, что не фашизм» (или инверсивно – если та или иная практика подпадает под аналогию с действиями фашистских режимов XX в., то это есть бесспорное нарушение соответствующих норм о правах). История предоставила все свидетельства именно правовых, политических и административных методов фашизма, и именно им, какую бы форму и название они ни получали, противостоят права человека. И личные, и политические, и экономические, и социально-культурные, тем более коллективные права были разработаны как *conditiones sine quibus non* для демократии, поскольку плачевное состояние каждой из затронутых сфер способствовало в своё время становлению гитлеровского режима. Поэтому толкование всех поколений прав возможно при помощи обозначенной методологии.

К примеру, можно провести следующие логические линии по схеме «тезис – антитезис» между фашистскими практиками и содержанием прав человека: **(m)** составление списка идеологически неправильной («антинемецкого духа») литературы и ее демонстративное уничтожение, контроль за идеологическим однообразием (нацификация и цензура) художественных, музыкальных и литературных произведений, кинематографа и театра – **(a)** право каждого на свободу мысли и убеждений, а также их выражения, свобода творчества и науки, право каждого на участие в культурной жизни, пользование результатами научного прогресса и защиту интеллектуальных прав (ст. 18 и 19 ВДПЧ и МПГПП, ст. 15 МПЭСКП); **(m)** пропаганда исключительности определенной социальной группы и создание образа врага за счет других групп, в том числе по национальному признаку, лишение экономических прав, в том числе разрешительных документов (торговой лицензии, акушерского сертификата и т. п.), в связи с присвоением стигмы «врага» по усмотрению полиции или партии (*юридическая система «свой»/«изгой»*) – **(a)** запрет дискриминации, запрет пропаганды войны и ненависти, право на труд, равные и справедливые его условия (ст. 7 ВДПЧ, ст. 20 МПГПП; ст. 6 и 7 МПЭСКП); **(m)** внесудебные аресты и приговоры к лишению жизни и свободы как средство политической расправы (например, «ночь длинных ножей»), аресты и отправка в концлагерь по приказу руководства силовых органов (например, директива «ночь и туман») – **(a)** право на жизнь, на справедливый суд, на личную неприкосновенность (ст. 3, 10 и 11 ВДПЧ, ст. 6,

9 и 14 МПГПП); **(m)** отмена формальности уголовного закона и вынесение приговоров на основе «здорового народного чувства» судей – **(a)** запрет аналогии закона и принцип *nullum crimen (poena) sine lege* (ст. 11 ВДПЧ, ст. 15 МПГПП); **(m)** наказание тюрьмой или концлагерем за малейшую критику, сплетни или шутки о правительстве по Указу от 21 марта 1933 г. при подконтрольности судей с целью тотального подавления свободы мышления – **(a)** право на свободу мысли и слова, на справедливый суд, на определенность уголовного закона (ст. 10, 11 и 19 ВДПЧ, ст. 14, 15 и 19 МПГПП); **(m)** роспуск независимых общественных объединений, включая профсоюзы, и создание взамен системы проправительственных симулякров с членством исходя из «политической благонадежности» – **(a)** право на свободу ассоциации с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в таковые для защиты своих интересов (ст. 20 ВДПЧ, ст. 22 МПГПП, ст. 8 МПЭСКП); **(m)** отмена выборов – **(a)** право голосовать и быть избранным на периодических и нефальсифицированных выборах (ст. 21 ВДПЧ, ст. 25 МПГПП) и т. д. Как видно, все названные практики использовались фашистами для подавления народной самостоятельности и установления антидемократической террористической диктатуры, поэтому права человека являются «лакмусовой бумагой» не только по отношению к фашизму, но и к антидемократическому режиму в понимании отечественной теории государства и права [31, с. 141–145]. В этом плане рассмотренный ранее *принцип пропорциональности* тоже поддается трактовке с точки зрения антифашизма, поскольку фашистские посяательства на права и свободы были воплощением произвола, чрезмерности, насмешки над логикой.

Наиболее влиятельным воплощением концепции антифашизма стали так называемые **абсолютные права**, большинство которых нацелено на защиту современной цивилизации не просто от политических практик, потенциально ведущих к повторению истории, а от засвидетельствованного народами самого большого зла – геноцида. Они поэтому больше всего могут интерпретироваться с точки зрения заявленной концепции и по предложенному методу. Как известно, нормы *jus cogens* – это императивные нормы конституционного или международного права, отклонение от которых не допускается и которые могут быть изменены не иначе, как в таком же порядке, в каком они были закреплены. Применительно к сфере индивидуальных прав они образуют ядро правового статуса каждого человека. Российская Федерация является (в том числе в качестве правопреемника СССР) полноправным участником 11 международных конвенций о защите основных прав и свобод (включая протоколы к ним). Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, МПГПП, Конвенция против пыток утвердили ряд таких норм, которые со временем

стали признаваться международным сообществом в целом в качестве непреложных. Конституция Российской Федерации гармонирует с этим подходом, предоставляя соответствующим правам повышенную степень защиты. К нормам *jus cogens* относятся право на жизнь, запрет рабства, запрет пыток, запрет расовой дискриминации, право на независимый и беспристрастный суд – отдельные формы посягательства на эти права стали признаваться преступлениями против человечества по международному и национальному уголовному праву. Конституционный Суд России последовательно обосновал наличие в конституционном строе нашей страны ряда абсолютных прав человека своей принципиальной позицией о том, что они по определению не могут вступить в противоречие с установленными в части 3 статьи 55 Конституции целями ограничений прав и свобод – этими целями никаким образом нельзя оправдать ограничение таких прав, как, например, право на судебную защиту законным судом, право на презумпцию невиновности, право не быть повторно осужденным за одно деяние (*non bis in idem*) и т. д. [29, с. 72–73].

Согласно международному праву **право на жизнь** является абсолютным в части, касающейся запрета ее произвольного лишения (поскольку при создании Международного билля о правах не было консенсуса об отмене смертной казни). Конституционный Суд России дважды рассматривал вопрос о конституционности применения смертной казни и в итоге пришел к выводу о том, что в России «сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни» и сложился соответствующий легитимный конституционно-правовой режим¹. В. Д. Зорькин в лекциях на Петербургском международном юридическом форуме в 2022 и 2024 годах указал, что при действующей Конституции и правовом режиме отменить мораторий на смертную казнь нельзя², эту позицию поддержали А. А. Клишас³ и И. В. Краснов⁴. Кроме того, в соответствии с действующим уголовным законодательством и разъяснениями Пленума Верховного Суда России⁵ не допускается применение эвтаназии, то есть лишение человека жизни с целью облегчения его страданий. Таким образом, в действующей конституционной системе России не предполагается какого-либо отступления от соблюдения права на

жизнь (в смысле намеренного ее лишения третьими лицами). Следует иметь в виду, что, в отличие от других индивидуальных прав, *ограничений права на жизнь не существует как таковых*. Любое лишение жизни является не ограничением, а умалением этого права, а вопрос смертной казни уместен в политико-правовой повестке не в связи с частью 3 статьи 55 Конституции (ограничение прав), а на основании части 2 статьи 20 Конституции и пункта 2 статьи 6 МПГПП, касающихся его напрямую.

Среди всего современного каталога прав человека особенно громким эхом Второй мировой войны и борьбы с гитлеровским режимом, помимо права на жизнь, стал **запрет пыток**. Консолидация национальных практик, формировавшихся государствами в послевоенное время, привела к выработке в международном праве нормы *jus cogens*, которая была закреплена в Конвенции против пыток 1984 г.⁶ Полными участниками Конвенции являются 175 государств – членом ООН, включая всех постоянных членом Совета Безопасности. Императивность запрета пыток следует из пункта 2 статьи 2 Конвенции, согласно которому «никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток». Понятие пытки, раскрытое в статье 1 Конвенции, было неоднократно проиллюстрировано в устойчивой практике целого ряда международных инстанций, осуществляющих надзор за соблюдением этого запрета – Комитета против пыток, Комитета по правам человека, Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Показательно, что даже Международный Суд ООН, практика которого крайне сдержана в отношении вопросов прав человека, по поводу запрета бесчеловечного обращения указал: «Произвольное лишение человеческого существа его свободы и применение мучительных мер физического принуждения само по себе явно не соответствует принципам Устава [ООН]... равно как и фундаментальным принципам, изложенным в [ВДПЧ]»⁷.

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 нояб. 2009 г. № 1344-О-П.

² Глава Конституционного суда исключил возвращение смертной казни в России. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/06/2024/667bcbf99a79471ab0faf886>

³ Клишас: решение КС по смертной казни не предполагает отмену моратория в отдельных случаях. URL: <https://tass.ru/politika/20337161>

⁴ Краснов раскрыл позицию насчет смертной казни в России. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/09/2025/68d25f699a794765ae14f171>

⁵ О судебной практике по делам об убийстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 янв. 1999 г., п. 7 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, № 3, 1999.

⁶ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // Ведомости Верховного Совета СССР, 1987, № 45, ст. 747.

⁷ Case Concerning the United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran (United States of America v. Iran). Judgment of 29 November 1979, [1980] ICJ Rep 3.

Неудивительно, что в Конституции России в качестве правопреемницы СССР указанный подход нашел веское отражение: согласно части 2 статьи 21 *никто* не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию; *никто* не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам. Частью 4 и 5 статьи 286 Уголовного кодекса РФ применение пыток должностными лицами отнесено к тяжкому и особо тяжкому преступлению в зависимости от наступивших последствий. Единообразному пониманию названной гарантии способствует деятельность Верховного Суда России, который при рассмотрении соответствующих вопросов опирается на практику вышеназванных международных органов, напоминая, что *запрет на применение пыток является абсолютным*¹.

Примечательно, что попытки США, Великобритании и Израиля оправдать применение пыток и произвольные задержания «войной против терроризма» до и особенно после событий 2001 года были решительно осуждены не только со стороны указанных международных инстанций², но и их собственных судов³, признавших в том числе приоритет норм международного гуманитарного права, не говоря о научном сообществе, которое не ограничилось констатацией нарушения прав человека и заявило даже о совершении американскими властями военного преступления⁴.

Как уже было сказано ранее, Конституция России гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина, запрещая любые формы дискриминации (ст. 19). **Запрет дискриминации** многие годы обеспечивается однозначным отнесением ее к уголовно наказуемому деянию (ст. 136 Уголовного кодекса РФ). Опосредованно именно из принципа равенства проистекает абсолютный характер, который приобрело **право на справедливый суд**. Статья 14 МПГПП, закрепившая право каждого на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом,

созданным на основании закона, начинается именно с констатации равенства всех лиц перед судами и трибуналами. Необходимо учитывать, что не всё содержание права на судебную защиту обладает характером *jus cogens*. Порядок и условия обращения в суды регламентируются законодателем с учетом многих факторов, тогда как результаты рассмотрения споров составляют поле усмотрения судебной власти – «бытовая» оценка их справедливости или несправедливости не охватывается правом на справедливый суд. Непреложными являются именно качества, которыми должны обладать судебные органы, – независимость и беспристрастность, а также создание суда на основании закона (в России – законом) – для гарантированности самой возможности вынесения судом правосудного решения.

Право на свободу и личную неприкосновенность занимает центральное место в обеспечении физической автономии личности, запрещая любые произвольные действия, приводящие к фактическому лишению свободы⁵ или нарушению целостности организма. Личная неприкосновенность включает право не подвергаться такому физическому насилию, которое не подпадает под защиту императивных норм о праве на жизнь и запрете пыток. Поскольку произвольные аресты, похищения и принудительные перемещения не только сами по себе противоправны, но и создают благоприятные условия для нарушения абсолютных прав, право на свободу и личную неприкосновенность выступает дополнительной гарантией их защиты. Как указал Конституционный Суд России, это право воплощает в себе наиболее значимое социальное благо, без которого немислимы достоинство и ценность человеческой жизни и демократическое правовое устройство общества и государства. Необходимо учитывать, что понятием задержания, используемым в части 2 статьи 22 Конституции при установлении его предельного срока, охватываются *любые ограничения*, которые фактически ведут к лишению человека его свободы⁶.

¹ Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию (по состоянию 1 декабря 2022 г.). URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/31960/

² Concluding Observations of the Human Rights Committee on the Report of the United States of America. UN Doc.A/61/40 (Vol.1) (2006), p. 60; Conclusions and Recommendations of Committee Against Torture to Report Submitted by the United States. CAT/C/USA/CO/2, 25 July 2006; Inter-American Commission on Human Rights, Resolution No. 2/06 of 28 July 2006; European Court of Human Rights (GC), Judgment of 19 February 2009 on the case of A and Others v. United Kingdom.

³ Rochin v. California, 342 U.S. 165 (1952); Hamdan v. Rumsfeld, 548 U.S. 557 (2006); A and others v Secretary of State for the Home Department [2004] UKHL 56; Public Committee Against Torture in Israel et al. v. Government of Israel et al. High Court of Justice Judgment of 6 September 1999 on the case HCJ 5100/94.

⁴ Подробный анализ международной и научной реакции на действия США и Великобритании в рамках «войны против терроризма» см. в работе Дж. Рехмана [48, pp. 201–202, 911–918].

⁵ То есть возможности самостоятельно беспрепятственно распоряжаться собой, включая свободное перемещение в любом направлении и свободное совершение любых действий, не противоречащих закону.

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 мая 2017 г. № 14-П.

Применительно к духовной (внутренней, нематериальной) автономии личности зеркальным отражением права на свободу и личную неприкосновенность является **свобода мысли и убеждений**. Вместе они образуют всеобъемлющий правоохранный комплекс, ограждающий человека от избыточного и неприемлемого воздействия, приводящего, как это было при фашизме, к подавлению индивидуальности и творческой инициативы, которые «делают человека человеком», поскольку эксклюзивно присущи ему как мыслящему субъекту. Свобода мысли (убеждений) составляет сферу исключительного контроля самого человека и не может быть ограничена (*также носит императивный характер*). Предметом государственного регулирования могут становиться лишь мнения, получающие внешнюю объективацию, то есть те, которые могут потенциально затрагивать права других лиц и наносить вред конституционно значимым благам. В таком случае появляются основания и возможность оправдать ограничения в рамках принципа пропорциональности. В рамках настоящего исследования примечателен вывод Конституционного Суда РФ о том, что свобода слова – это «не только гарантированная возможность беспрепятственно выражать посредством устного или печатного слова свои суждения по самым разным вопросам, но и условие эффективности общественного контроля за действиями публичной власти; <...> конституционное требование о недопустимости принуждения к отказу от своих мнений и убеждений адресовано государственным органам, органам местного самоуправления, политическим партиям, другим общественным объединениям... [и] всем членам общества»¹.

Из проведенного анализа видно, что большинство прав человека, составляющих ядро правового статуса личности на международном и конституционном уровне, далеки от «идеологических войн» и представляют собой данное человечеством обещание против совсем другой агрессии – реальной и самой губительной. Без этих базовых и истинно правовых достижений человеческой цивилизации сложно представить мир, в котором «произвол одного» будет «совместим с произволом другого» (по Канту) и, следовательно, который не окажется рано или поздно охвачен смерчем хаоса и голого насилия. С этой точки зрения их можно интерпретировать универсально.

Заключение

Настоящим исследованием показана полезность возвращения к урокам правовой истории, которые могут помочь в преодолении «вызовов современности», поскольку проливают свет истинной концепции прав человека на многие аргументы

противоборствующих сегодня школ. Современная концепция прав человека в одной из своих наиболее надежных и неоспоримых трактовок – это концепция антифашизма. Современные права человека возникли не из воздуха и не из учений о естественном праве. Не права являются результатом возрождения естественно-правовой школы в XX веке, а как раз наоборот – благодаря осознанию насущной потребности и закреплению прав стали вновь актуальны соответствующие мыслительные течения. В связи с этим не можем в полной мере согласиться с М. А. Лихачевым в части предположения о том, что трагедия Второй мировой войны и создание ООН «не были переломными с точки зрения развития понятий о правах человека» [20, с. 47]. Как показывает сам автор и подтверждено в настоящей статье, идея неотчуждаемых прав и сами права действительно интенсивно обсуждались и великими умами, и выдающимися политиками задолго до Войны и прямо перед ней. Но ни влияние Просвещения и школы естественного права, ни принятие национальных деклараций о правах не привело к парадигмальному сдвигу. Довольно странно, на наш взгляд, думать, что мысли Кельзена, Селя, Политиса были настолько «лучше» мыслей Гроция, Канта, Беккарии, что именно они заставили бы человечество принять ВДПЧ без указанной трагедии.

В действительности права человека стали ответом на конкретные исторические события и властные практики конкретных античеловеческих режимов. Как показано в статье, современный каталог прав человека рождался не столько в осмыслении естественно-правовой доктрины, сколько в осмыслении именно указанной трагедии. Онтологию большинства прав, закрепленных сегодня в международном праве и демократических конституциях, можно проследить через довольно четкую реверсивную связь с фашистскими антиподами. Этот критерий интерпретации прав – вкуче с применением телеологического (проблемно-целеполагающего) и исторического методов толкования – можно назвать самым надежным, и он может использоваться международными и национальными инстанциями при возникновении сомнений в ходе применения других критериев и методов. Он действительно универсален и не должен вызывать сомнений ни у одной из сторон интерпретационного спора: его можно считать оригиналистским, поскольку он замкнут на изначальный смысл соответствующих прав, поэтому удовлетворяет требованиям противников теории «живого дерева»; его можно считать «естественно-правовым», поскольку предполагает наличие фундаментальных непреложных прав и концепцию правового государства, поэтому удовлетворяет требованиям умеренных юснатуралистов.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 г. № 14-П.

Всё, что выходит за эти стандартные рамки, поставленные историей, может быть предметом здоровой дискуссии. Однако фанатизм и насильственное навязывание принципиально новых смыслов правам человека – какую бы школу они ни представляли – в определенной степени переписывают эту историю и прочат лишь постепенное разрушение института, завоеванного в горнилах страшной войны и подтвержденного международным консенсусом. Заблуждением является тезис о том, что современная концепция прав человека и общепризнанный каталог основных прав являются исключительной разработкой и достоянием «западных» или «либеральных» культур. Этим не только преуменьшается существенный вклад советских, китайских, ближневосточных и латиноамериканских юристов и международников в разработку ключевых международных инструментов защиты прав человека, но и преувеличивается «монolithicность» западных стран, которые часто придерживаются противоположных взглядов. Кроме того, международными правозащитными органами вынесено множество решений против западных стран, в том числе по самым резонансным делам.

Еще одно заблуждение состоит в том, что все права изначально предполагались как полностью универсальные. Целый ряд прав действительно приобрели императивный характер, поскольку они, как никакие другие, связаны с универсальной концепцией антифашизма. Однако для большинства прав, предусмотренных Международным биллем, специально оговорены возможности их ограничения по разумному усмотрению государств для учета культурных и других национальных особенностей (к примеру, для охраны нравственности населения). Это огромное поле для релятивизма, которое изначально предусмотрено международным правом для предотвращения конфликтов, их купирования не вовне, а в рамках общей концепции прав человека. Следовательно, ошибочен как отказ государствам в разумном релятивизме, так и призывы к безграничному релятивизму, означавшему бы, по сути, откат на шаг в развитии на довоенную планку, когда действовала средневековая доктрина неограниченного государственного усмотрения (произвола), которая вряд ли позволила бы осудить даже фюрера.

Большинство прав человека, закрепленных сегодня в главе 2 Конституции России, органично легли в основу правовой системы вовсе не по прихоти конкретного момента или людей, а в силу того, что они уже были действующим правом для СССР (Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации – с 1969 г., МПГПП – с 1973 г., Конвенция против пыток – с 1987 г., не говоря уже о влиянии ВДПЧ, на которое обращают внимание В. Д. Зорькин и другие авторитетные правоведы). Об уважении властью личности и ее прав говорили, как было показано, и авторитетные до-революционные мыслители. Следовательно, было бы

ошибочно утверждать, что отечественное понимание прав человека не имеет абсолютно ничего общего с международным и что последнее априори несет в себе угрозы для первого. Это не соответствовало бы исторической действительности, а если не брать экстремумы с обеих сторон, то ни в международной концепции (в оригинальном прочтении) нет ничего выходящего за рамки здравого смысла, ни в российской нет и не может быть отрицания базовых прав, таких как право на жизнь, свободу и охрану человеческого достоинства. Многие попытки отрицать это наводят на ложную мысль о том, что отечественная история – это история антиправа и антисвободы. Однако от критики действующей Конституции придется неизбежно перейти к критике официальной политики СССР по участию в вышеназванных механизмах, а оттуда недалеко, скажем, и до критики отмены крепостного права, как «проявления либерализма», не соответствующего многовековым традициям. Поэтому не совсем ясно, какие из рассмотренных в настоящей статье базовых гарантий прав человека – может быть, запрет геноцида, пыток или рабства – не могут считаться универсальными, «не отвечают запросу общества, его историческому прошлому и традициям» [30, с. 158–159] или «не могут быть вписаны в отечественную правовую реальность» (основанную на концепции «державности») [2, с. 596] и, следовательно, почему и в пользу чего от них надо отказаться. Результаты проведенного исследования не оставляют сомнений в том, что права человека в их «антифашистском» прочтении абсолютно когерентны концептам «правоты, правды и даже праведности», коль скоро без них не мыслится отечественное правовое бытие [2, с. 596].

Таким образом, права человека – это не абстракция и не шедевральный венец искусственной логики. Это антропологическое отражение конкретных переживаний, возникших в ответ на конкретные жизненные обстоятельства. На решающем этапе пути человечества, описанном В. С. Нерсесянцем, как пути от несвободы к свободе (которая возможна максимально только в правовой форме и при всеобщем равенстве) [16, с. 469–470], универсальная позитивация прав человека стала результатом беспрецедентного опыта межкультурной правовой коммуникации. Справедлив поэтому вывод Н. В. Варламовой, что настоящая юридическая интерпретация прав человека невозможна без теоретического осмысления самой позитивации и последующей практики защиты прав человека [1, с. 19]. А практика эта, в своих средних значениях (если не заикливаться на эксцессах), не похожа на идеологические распри. Примечательно, что в случае следования концепции антифашизма интерпретация современных прав человека вряд ли может противоречить российским традиционным духовно-нравственным ценностям, среди которых большой вес имеют историческая память и Великая Победа.

Сегодняшний «кризис вольных интерпретаций» прав человека – это во многом «кризис забытой истории». Поэтому если и говорить о том, что интерпретационная практика некоторых международных организаций или государств выходит за рамки «истинных» прав человека (за счет чрезмерно расширительного толкования норм, судейского активизма и т. д.), то от защитников «истинных» прав ожидаемым ответом было бы вовсе не уничтожение действующей системы прав человека (тем более по сугубо политическим, а не правовым мотивам), а призыв к их неукоснительному соблюдению в изначально заложенном в них смысле. Этот смысл далек от любых радикальных взглядов, будь то постгуманизм или постлиберализм. Здесь вспоминаются слова одного зарубежного судьи, далекого от каких-либо идеологических споров, который образно предостерегал свое поколение от попадания в капкан реформаторов – «безрассудных “хирургов”, в руках которых не каутер для лечения, а нож для ампутации» [43, р. 167]. Пока в достаточной степени не обеспечен даже гуманизм, в равной мере преждевременно говорить как о его недостаточности, так и об избыточности. Настоящий кризис видится в том, что права человека, ни в чем объективно изначально не виновные, оказались между двух субъективных огней, оба из которых по форме – спасение прав человека, а по сути – пожар, в котором они могут сгореть. Необходимо чувство тонкой грани – не только чтобы правозащитные инструменты удерживались в гармонии с национальными и культурными традициями разных обществ (которые сами по себе являются объектом ряда прав человека), но и чтобы те, кто критикует права человека, не оказались теми, кого в действительности критикуют сами настоящие права человека.

Библиографический список

1. *Варламова Н. В.* Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация: дис... д-ра юрид. наук. М., 2024. 624 с.
2. *Виноградова Е. В., Раттур М. В.* Политико-правовая модель державности и соборности сквозь призму государственного и народного суверенитета: историографический аспект // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 4(66). С. 588–614. DOI 10.17072/1995-4190-2024-66-588-61
3. *Гессен В. М.* Основы конституционного права (извлечение) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 6 (94). С. 180–199.
4. *Гоббс Т.* Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 478 с.
5. *Жуков В. Н.* Русская философия права: от рационализма к мистицизму: монография. М.: Проспект, 2017. 401 с.
6. *Звягинцев А. Г.* Главный процесс человечества. Нюрнберг: документы, исследования, воспоминания. М., 2012. 656 с.

7. *Зорькин В. Д.* Лекции о праве и государстве. СПб.: Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. 352 с.
8. *Зорькин В. Д.* Современный мир и права человека // Журнал российского права. 2008. № 11 (143). С. 3–11.
9. *Иеринг Р.* Борьба за право. М.: Типография Грачева И.К., 1874. 77 с.
10. *Ковлер А. И.* Антропология права. М.: Норма, 2002. 467 с.
11. *Ковлер А. И.* Индивид как субъект международного права (возвращение к дискуссии) // Международное право. 2013. № 1. С. 28–53.
12. *Ковлер А. И.* Конституция России как сравнительный проект (к истории создания Конституции Российской Федерации) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 1 (74). С. 8–14.
13. *Ковлер А. И.* Критерии справедливого судебного разбирательства: международные стандарты и их имплементация в национальном правосудии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1. С. 21–25.
14. Конституционное Собрание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. М.: Юрид. лит., 1996. Т. 20. 590 с.
15. *Корнев А. В.* Конкуренция философско-правовых оснований прав человека: отечественный и зарубежный опыт // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы: сб. науч. трудов / отв. ред. О. Ю. Рыбаков. Саратов: Сарат. источник, 2022. С. 12–27.
16. *Лапаева В. В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. 577 с.
17. *Леони Б.* Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008. 308 с.
18. *Лесив Б. В.* Методология судебной проверки дискреционных решений (действий) органов власти в Европе: национальные практики и универсальная ценность // Российская юстиция. 2022. № 6. С. 71–80.
19. *Лисицын-Светланов А. Г., Ледах И. А.* Нюрнбергский процесс и защита прав человека // Нюрнбергский процесс: уроки истории: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 20–21 ноября 2006 г.). М.: ИВИ РАН, 2007. С. 22–37.
20. *Лихачев М. А.* Универсальность международных стандартов прав человека: необходимая утопия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 1. С. 40–67. DOI 10.17323/2072-8166.2024.1.40.67
21. *Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть. М., 2005. 432 с.
22. *Лукашук И. И.* Международное право. Особенная часть. М.: 2005. 517 с.
23. *Медушевский А.* Насколько универсальны «универсальные стандарты» прав человека: переоценка критической школы международного права // Международное правосудие. 2022. № 1 (41). С. 3–31.

24. Международное право / под общ. ред. В. Н. Дурденевского. М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1947. 612 с.
25. *Мещерякова О. М.* Суверенитет и интеграционное сообщество: теория и практика // Государство и право. 2014. № 8. С. 59–64. DOI 10.31857/S20000617-6-1
26. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. М.: ИНФРА-М: 1999. 552 с.
27. *Николаев А. М.* Нюрнбергский процесс и принцип уважения практики Европейского Суда по правам человека // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2016. № 4. С. 61–81.
28. Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Д. Гинзбургс, В. Н. Кудрявцев, Р. С. Кларк и др.; под ред. И. А. Ледях, И. И. Лукашука; М.: ИГПАН, 1995. 262 с.
29. *Подмарев А. Н.* Неограничиваемые (абсолютные) права и свободы человека и гражданина в Конституции РФ 1993 г. и международных актах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84). С. 69–75.
30. *Рыбаков О. Ю.* Права человека: от истоков философско-правовой мысли к современной геополитической реальности // Lex russica. 2023. Т. 76, № 12. С. 145–161. DOI 10.17803/1729-5920.2023.205.12.145-161
31. Теория государства и права / под ред. В. Н. Жукова, Е. А. Фроловой. М.: Проспект, 2024. 640 с.
32. *Томсинов В. А.* Государство и право Древнего Египта: монография. М.: Зерцало-М, 2011. 512 с.
33. *Томсинов В. А.* История русской политической и правовой мысли. X–XVIII века. М.: Зерцало, 2003. 256 с.
34. *Фадеев И. А.* «Божественное право королей» и интерпретация идеи порядка в английской политической теологии XVII века // Новая и новейшая история. 2020. № 6. С. 42–52. DOI 10.31857/S013038640012690-7
35. *Фролова Е. А.* Методология философии права: Кант и русские юристы // Государство и право. 2024. № 11. С. 23–32. DOI 10.31857/S1026945224110022
36. *Фролова Е. А.* Рациональные основания права: классика и современность: монография. М.: Проспект, 2021. 576 с.
37. *Фролова Е. А.* Теория естественного права (Исторический аспект) // Государство и право. 2015. № 1 С. 71–79. DOI 10.31857/S20000616-5-1
38. *Чичерин Б. Н.* Философия права. М., 1900. 336 с.
39. *Alston P., Goodman R.* International Human Rights Law. UK: Hampshire: Ashford Colour Press Ltd, 2013. 1580 p.
40. *Artz D.* The Application of International Human Rights in Islamic States // Human Rights Quarterly. 1990. Vol. 12. No. 2. Pp. 202–230.
41. *Bernard L.* Race and Slavery in the Middle East. New York, 1990. 200 p.
42. *Chengdan Q.* Transformation of European States: From Feudal to Modern // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2010. Vol. 2. Issue 5. Pp. 6683–6691. DOI 10.1016/j.sbspro.2010.05.013
43. *Dillon J.F.* The Laws and Jurisprudence of England and America. Boston, Mass., 1895. 431 p.
44. *Eagleton C.* The Task of the International Lawyer // American Journal of International Law. 1947. Vol. 41. Issue 2. Pp. 435–439. DOI 10.2307/2193230
45. *Guradze H.* Review of “The Dual State: A Contribution to the Theory of Dictatorship” by Ernst Fraenkel // Washington University Law Quarterly. 1942. Vol. 27. Pp. 603–607.
46. *Humphrey J.* Human Rights and the United Nations: A Great Adventure. N.Y.: Transnational Publishers, Inc., 1984. 339 p.
47. *Humphrey J.* The UN Charter and the Universal Declaration of Human Rights // The International Protection of Human Rights / ed. E. Laurd (London: Thames and Hudson, 1967. 384 p.
48. *Rehman J.* International Human Rights Law. London: Longman Publishing Group, 2010. 937 p.
49. *Schütze R.* EU Competences: Existence and Exercise / The Oxford Handbook of European Union Law.// ed. by D. Chalmers, and A. Arnull. Oxford Academic, 2015. Online edn. URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199672646.013.44> (accessed 5 March 2025)
50. *Stackelberg R.* Hitler's Germany: Origins, Interpretations, Legacies. 1st ed. London: Routledge, 1999. 320 p. DOI 10.4324/9780203005415
51. *Yates R.* Slavery in Early China: A Socio-Cultural Approach // Journal of East Asian Archaeology. 2001. Vol. 3. Issue 1. Pp. 283–331. DOI 10.1163/156852301100402723
52. The Universal Declaration of Human Rights. The Travaux Préparatoires / ed. by W. Schabas. Cambridge, United Kingdom: Cambridge Univ. Press, 2013. URL: <https://searchlibrary.ohchr.org/record/13838>

References

1. *Varlamova N. V. Prava cheloveka: teoreticheskoe obosnovanie i yuridiko-dogmaticheskaya konkretnizatsiya: diss. ... d-ra yurid. nauk* [Human Rights: Theoretical Justification and Legal-Dogmatic Specification: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2024. 624 p. (In Russ.)
2. *Vinogradova E. V., Rattur M. V. Politiko-pravovaya model' derzhavnosti i sobornosti skvoz' prizmu gosudarstvennogo i narodnogo suvereniteta: istoriograficheskii aspekt* [The Politico-Legal Model of Derzhavnost and Sobornost Through the Prism of State and Popular Sovereignty: The Historiographical Aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2024. Issue 4 (66). Pp. 588–614. DOI 10.17072/1995-4190-2024-66-588-614 (In Russ.)
3. *Gessen V. M. Osnovy konstitutsionnogo prava (izvlechenie)* [Fundamentals of Constitutional Law (Extract)]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina* –

Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2022. Issue 6 (94). Pp. 180–199. (In Russ.)

4. Hobbes T. *Leviatan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or The Matter, Forme and Power of a Common Wealth Ecclesiastical and Civil]. Moscow, 2001. 478 p. (In Russ.)

5. Zhukov V. N. *Russkaya filosofiya prava: ot ratsionalizma k mistitsizmu* [Russian Philosophy of Law: From Rationalism to Mysticism]. Moscow, 2017. 401 p. (In Russ.)

6. Zvyagintsev A. G. *Glavnyy protsess chelovechestva. Nyurnberg: dokumenty, issledovaniya, vospominaniya* [The Crucial Process of Humanity. Nuremberg: Documents, Surveys, Memoirs]. Moscow, 2012. 656 p. (In Russ.)

7. Zor'kin V. D. *Lektsii o prave i gosudarstve* [Lectures on Law and State]. St. Petersburg, 2024. 352 p. (In Russ.)

8. Zor'kin V. D. *Sovremennyy mir i prava cheloveka* [The Modern World and Human Rights]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2008. Issue 11 (143). Pp. 3–11. (In Russ.)

9. Jhering R. *Bor'ba za pravo* [The Struggle for Law]. Moscow, 1874. 77 p. (In Russ.)

10. Kovler A. I. *Antropologiya prava* [Legal Anthropology]. Moscow, 2002. 467 p. (In Russ.)

11. Kovler A. I. *Individ kak sub'ekt mezhdunarodnogo prava (vozvrashchenie k diskussii)* [The Individual as a Subject of International Law (Restarting the Discussion)]. *Mezhdunarodnoe pravo – International Law*. 2013. Issue 1. Pp. 28–53. (In Russ.)

12. Kovler A. I. *Konstitutsiya Rossii kak sravnitel'nyy proekt (k istorii sozdaniya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii)* [Constitution of Russia as a Comparative Project (Historical Background of the Drafting of the Constitution of the Russian Federation 1993)]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2019. Issue 1 (74). Pp. 8–14. (In Russ.)

13. Kovler A. I. *Kriterii spravedlivogo sudebnogo razbiratel'stva: mezhdunarodnye standarty i ikh implementatsiya v natsional'nom pravosudii* [Criterion of a Fair Trial: International Standards and Its Implementation by National Justice]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2017. Issue 1. Pp. 21–25. (In Russ.)

14. *Konstitutsionnoe Soveshchanie. Stenogrammy, materialy, dokumenty. 29 aprelya–10 noyabrya 1993 g.* [Constitutional Meeting, April 29–November 10, 1993: Transcripts, Materials, Documents]. Moscow, 1996. Vol. 20. 590 p. (In Russ.)

15. Kornev A. V. *Konkurentsia filosofsko-pravovykh osnovaniy prav cheloveka: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt* [Competition Between Philosophical

and Legal Foundations of Human Rights: Domestic and Foreign Experience]. *Prava cheloveka i politika prava v XXI v.: perspektivy i vyzovy* [Human Rights and the Politics of Law in the 21st Century: The Prospects and Challenges]: a collection of scientific papers. Ed. by O. Yu. Rybakov. Saratov, 2022. Pp. 12–27. (In Russ.)

16. Lapaeva V. V. *Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika* [Types of Legal Thinking: Legal Theory and Practice]. Moscow, 2012. 577 p. (In Russ.)

17. Leoni B. *Svoboda i zakon* [Freedom and the Law]. Moscow, 2008. 308 p. (In Russ.)

18. Lesiv B. V. *Metodologiya sudebnoy proverki diskreitsionnykh resheniy (deystviy) organov vlasti v Evrope: natsional'nye praktiki i universal'naya tsennost'* [Methodology of Judicial Review of Discretionary Decisions (Actions) of Authorities in Europe: National Practices and Universal Value]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justice*. 2022. Issue 6. Pp. 71–80. (In Russ.)

19. Lisitsyn-Svetlanov A. G., Ledyakh I. A. *Nyurnbergskiy protsess i zashchita prav cheloveka* [The Nuremberg Trials and the Protection of Human Rights]. *Nyurnbergskiy protsess: uroki istorii* [The Nuremberg Trials: Lessons from History]: Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow, 2006, November 20–21. Moscow, 2007. Pp. 22–37. (In Russ.)

20. Likhachev M. A. *Universal'nost mezhdunarodnykh standartov prav cheloveka: neobkhodimaya utopiya* [Universality of International Human Rights Standards: A Necessary Utopia]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2024. Vol. 17. Issue 1. Pp. 40–67. DOI 10.17323/2072-8166.2024.1.40.67 (In Russ.)

21. Lukashuk I. I. *Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast'* [International Law. General Part]. Moscow, 2005. 432 p. (In Russ.)

22. Lukashuk I. I. *Mezhdunarodnoe pravo. Osobennaya chast'* [International Law. Special Part]. Moscow, 2005. 517 p. (In Russ.)

23. Medushevskiy A. *Naskol'ko universal'ny «universal'nye standarty» prav cheloveka: pereotsenka kriticheskoy shkoly mezhdunarodnogo prava* [How Universalized Are 'Universal Standards' of Human Rights: The Critical School of International Law Reappraised]. *Mezhdunarodnoe pravosudie – International Justice*. 2022. Issue 1 (41). Pp. 3–31. (In Russ.)

24. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Ed. By V. N. Durdenevskiy. Moscow, 1947. 612 p. (In Russ.)

25. Meshcheryakova O. M. *Suverenitet i integratsionnoe soobshchestvo: teoriya i praktika* [Sovereignty and Integration Community: Theory and Practice]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2014. Issue 8. Pp. 59–64. DOI 10.31857/S20000617-6-1 (In Russ.)

26. Nersesyants V. S. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of Law and State]. Moscow, 1999. 552 p. (In Russ.)

27. Nikolaev A. M. *Nyurnbergskiy protsess i printsip uvazheniya praktiki Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka* [The Nuremberg Trials and the Principle of Respect for the Practice of the European Court of Human Rights]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki – RUDN Journal of Law*. 2016. Issue 4. Pp. 61–81. (In Russ.)
28. *Nyurnbergskiy protsess: pravo protiv voyny i fashizma* [The Nuremberg Trials: Law Against War and Fascism]. Ed. by I. A. Ledyakh, I. I. Lukashuk. Moscow, 1995. 262 p. (In Russ.)
29. Podmarev A. N. *Neogranichivaemye (absolyutnye) prava i svobody cheloveka i grazhdanina v Konstitutsii RF 1993 g. i mezhdunarodnykh aktakh* [Unrestricted (Absolute) Rights and Freedoms of Man and Citizen in the Constitution of the Russian Federation of 1993 and International Acts]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. Issue 4 (84). Pp. 69–75. (In Russ.)
30. Rybakov O. Yu. *Prava cheloveka: ot istokov filosofsko-pravovoy mysli k sovremennoy geopoliticheskoy real'nosti* [Human Rights: From the Origins of Philosophical and Legal Thought to Modern Geopolitical Reality]. *Lex Russica*. 2023. Vol. 76. Issue 12. Pp. 145–161. DOI 10.17803/1729–5920.2023.205.12.145–161 (In Russ.)
31. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Ed. by V. N. Zhukov, E. A. Frolova. Moscow, 2024. 640 p. (In Russ.)
32. Tomsinov V. A. *Gosudarstvo i pravo Drevnego Egipta* [The State and Law of Ancient Egypt]. Moscow, 2011. 512 p. (In Russ.)
33. Tomsinov V. A. *Istoriya russkoy politicheskoy i pravovoy mysli. X–XVIII veka* [The History of Russian Political and Legal Thought. 10th–18th Centuries]. Moscow, 2003. 256 p. (In Russ.)
34. Fadeev I. A. «Bozhestvennoe pravo koroley» i interpretatsiya idei poryadka v angliyskoy politicheskoy teologii XVII veka [The 'Divine Right of Kings' and the Interpretation of the Concept of Order in Seventeenth-Century English Political Theology]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 2020. Issue 6. Pp. 24–52. DOI 10.31857/S013038640012690-7 (In Russ.)
35. Frolova E. A. *Metodologiya filosofii prava: Kant i russkie yuristy* [Methodology of the Philosophy of Law: Kant and Russian Lawyers]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2024. Issue 11. Pp. 23–32. DOI 10.31857/S1026945224110022 (In Russ.)
36. Frolova E. A. *Ratsional'nye osnovaniya prava: klassika i sovremennost'* [Rational Foundations of Law: Classics and Modernity]. Moscow, 2021. 576 p. (In Russ.)
37. Frolova E. A. *Teoriya estestvennogo prava (Istoricheskiy aspekt)* [Theory of Natural Law (Historical Aspect)]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2015. Issue 1. Pp. 71–79. DOI 10.31857/S20000616-5-1 (In Russ.)
38. Chicherin B. N. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, 1900. 336 p. (In Russ.)
39. Alston P., Goodman R. *International Human Rights*. UK, Hampshire: Ashford Colour Press Ltd, 2013. 1580 p. (In Eng.)
40. Artz D. The Application of International Human Rights in Islamic States. *Human Rights Quarterly*. 1990. Vol. 12. Issue 2. Pp. 202–230. (In Eng.)
41. Bernard L. *Race and Slavery in the Middle East*. New York, 1990. 200 p. (In Eng.)
42. Chengdan Q. Transformation of European States: From Feudal to Modern. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2010. Vol. 2. Issue 5. Pp. 6683–6691. DOI 10.1016/j.sbspro.2010.05.013 (In Eng.)
43. Dillon J. F. *The Laws and Jurisprudence of England and America*. Boston, Mass., 1895. 431 p. (In Eng.)
44. Eagleton C. The Task of the International Lawyer. *American Journal of International Law*. 1947. Vol. 41. Issue 2. Pp. 435–439. DOI 10.2307/2193230. (In Eng.)
45. Guradze H. Review of 'The Dual State: A Contribution to the Theory of Dictatorship,' by Ernst Fraenkel. *Washington University Law Quarterly*. 1942. Vol. 27. Pp. 603–607. (In Eng.)
46. Humphrey J. *Human Rights and the United Nations: A Great Adventure*. New York: Transnational Publishers, Inc., 1984. 339 p. (In Eng.)
47. Humphrey J. The UN Charter and the Universal Declaration of Human Rights. In Laurd E. (ed.) *The International Protection of Human Rights*. London: Thames and Hudson, 1967. 384 p. (In Eng.)
48. Rehman J. *International Human Rights Law*. London: Longman Publishing Group, 2010. 937 p. (In Eng.)
49. Schütze R. EU Competences: Existence and Exercise. In Chalmers D., Arnall A. (eds.) *The Oxford Handbook of European Union Law*. Oxford Academic, 2015 [online edn.]. DOI 10.1093/oxfordhb/9780199672646.013.44 (In Eng.)
50. Stackelberg R. *Hitler's Germany: Origins, Interpretations, Legacies*. 1st ed. London: Routledge, 1999. 320 p. DOI 10.4324/9780203005415 (In Eng.)
51. Yates R. Slavery in Early China: A Socio-Cultural Approach. *Journal of East Asian Archaeology*. 2001. Vol. 3. Issue 1. Pp. 283–331. DOI 10.1163/156852301100402723. (In Eng.)
52. *The Universal Declaration of Human Rights. The Travaux Préparatoires*. Ed. by W. Schabas. Cambridge, United Kingdom: Cambridge Univ. Press, 2013. Available at: <https://searchlibrary.ohchr.org/record/13838> (In Eng.)

Информация об авторе:

Б. В. Лесив

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и права
и политологии

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
119234, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1

доцент департамента теории права и сравнительного
правоведения, научный сотрудник института
исследований национального и сравнительного права

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
109028, Россия, г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., 3

ORCID: 0000-0001-8085-3983
ResearcherID: JPK-0026-2023

Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.17323/2072-8166.2025.2.4.58
DOI 10.54103/2464-8914/27615
DOI 10.17506/26867206_2024_24_2_107
DOI 10.17323/2072-8166.2024.1.4.39
DOI 10.21128/1812-7126-2020-6-141-170

About the author:

B. V. Lesiv

Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, 119234, Moscow, Russia

HSE University
3, B. Trekhsvyatitelsky pereulok, 109028, Moscow,
Russia

ORCID: 0000-0001-8085-3983
ResearcherID: JPK-0026-2023

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI 10.17323/2072-8166.2025.2.4.58
DOI 10.54103/2464-8914/27615
DOI 10.17506/26867206_2024_24_2_107
DOI 10.17323/2072-8166.2024.1.4.39
DOI 10.21128/1812-7126-2020-6-141-170